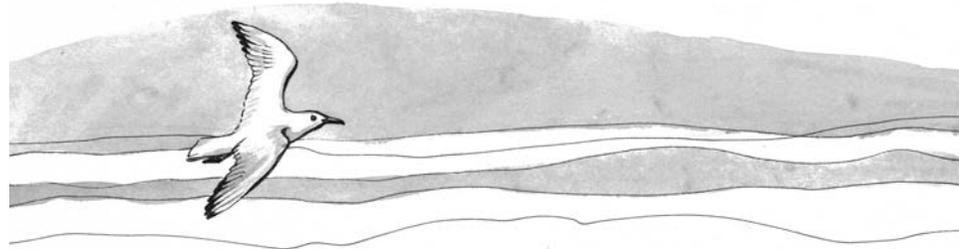

Иеромонах Симон (Безкровный)

Душа безмолвия

Из выстраданного и пережитого

2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
С 37

*Памяти архимандрита
Кирилла (Павлова) посвящается*

*Я пришел для того, чтобы
имели жизнь и имели с избытком.*

Ин. 10:10

с 37 Иеромонах Симон (Безкровный).

Душа безмолвия. Из выстраданного и пережитого: Духовно-просветительское издание. – М.: ИП Карпов С.В., 2023. — 240 с.

ISBN 978-5-6048705-2-5

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

Автор сердечно благодарит
компанию «Фарадей»,
Олега и Светлану Андриановых
за помощь в издании книги.

- © Иеромонах Симон (Безкровный), 2023
- © Оформление. ИП Карпов С.В., 2023
- © Безбородых Д.А., иллюстрации, 2023

Введение

В этот стихотворный сборник включены молитвы в стихах и в прозе, собранные из давних различных дневников и блокнотов. В первой части приведены молитвы, составленные в отшельничестве по наставлениям из священных гимнов преподобного Симеона Нового Богослова, ибо духовное послушание является лучшим средством благоговейного почитания святых. Вторая часть посвящена монашеской и уединенной жизни, всецело погруженной в сокровенные моления сердечного покаяния, которые составляют начало и завершение духовной жизни всякого верующего человека. Это молитвы, повествующие о трагической разлученности со Христом монашеского сердца, жаждущего соединиться с Ним в благодатной свободе преображенного духа. Особую часть сборника представляют молитвы о любви, а именно нелегкие испытания и переживания кающейся души, всецело поглощенной любовью к Богу. И, в заключение, в третьей части приведены молитвы-размышления о сути и смысле жизни, как отсветы далекой и прекрасной юности.

Неведение Бога – это поистине несуществование человека. Неведение, основанное на ложной вере в этот мир, настолько глубоко укоренилось в человеческом сердце, что для освобождения от этого пагубного лжеверия необходимы очень серьезные и значительные усилия, поскольку оно накапливалось и наслаивалось в сердце и уме, как это, многие и многие годы. Сердце, ослепленное невежеством – пагубный советчик. Ум, одержимый эгоизмом, более ядовит, чем яд гремучей змеи. Хотя мы говорим в этом сборнике языком стихов, тем не менее мы снова и снова продолжаем вещать о духовном пробуждении и оздоровлении каждой человеческой души благодатью Духа Святого, повторяя для всех одни и те же слова истины, ибо такое богопостижение не происходит без подобного повторения, которое закрепляется в сердце как молитвенная практика. Человек рождает желание наслаждения, Бог вкладывает необходимость спасения. Поэтому духовные стихи не являются обычным чувственным переживанием, но, напротив, ведут, насколько это возможно, к благодатному ощущению присутствия Бога в нашей жизни, когда успокаиваются чувства и ум. Пусть это эго или умрет, или уйдет из твоего сердца. Где бы ты ни жил, живи в этом мире как мудрый христианин, твердо зная то, что следует знать: Христос – это истина и нет ничего другого. Узнай это и пойми внутри самого себя.

*Усекновенская
пустынь «Катафиги»,
Афон, 2017*

Иеромонах С.

Часть первая

Предисловие к первой части

*И уже не я живу,
но живет во мне Христос.*

Гал. 2:20

Поскольку существует мнение, что всякий поэт – это человек не от мира сего, и чтобы напрасно не обезпокоился кто-либо из чрезвычайно строгих блюстителей законности и порядка в этих имеющих определенную специфику поэтических сферах, особенно если стихи касаются духовных вопросов, придется сказать в защиту такого рода поэзии несколько слов, которым, может быть, кто-либо пожелает уделить немного внимания. Вполне возможно, у тех, кто греется в лучах мирской поэтической славы или заседает в разного рода литературных советах и комиссиях, возникнет снисходительный вопрос: «Чего хочет от нас этот некий монах, выставляя в свет свои убогие стихотворные потуги, когда он должен проводить все свое время во множестве поклонов и в безчисленных молитвах?» Весьма охотно принимая это замечание, скажем, что те, кому нет необходимости ни в какой суетной славе, к которым и мы, грешные, причисляем самих себя, быстро находят общий язык, открывая друг другу самое сокровенное, что бережно и благоговейно хранится в душе и что передается

без слов: «Говорите, люди, говорите, а у дома яблоня цветет...» – так слышит и чувствует всякое поэтическое сердце, которое знает, что Христос – это счастье навсегда.

Когда на душе неладно и все идет вкривь да вкось, особенно в самом начале молитвенной жизни, когда чтение высокодуховных книг, прямо скажем, не задается и молитва как будто ослабела, нет ничего лучше, чтобы в такой нелегкий час побеседовать от сердца к сердцу не с книжником или законником, которые зачастую отравлены своими знаниями, но с никому не известным поэтом, уловив в его смиренных строках и частичку собственного душевного предрасположения к такому сокровенному виду творчества. Мы не призываем любезных читателей тотчас брать в руки ручку с тетрадью и, нахмутив лоб, пытаться передать чистому листу бумаги свои глубочайшие настроения и переживания. Однако мы знаем, что колокол не гудит, если в него не ударяют, так и сердце человеческое не пробуждается, если его не оживляют горячими молитвами и не шевелить, как ни странно это звучит, особым поэтическим и непременно христианским восприятием окружающего нас мира, как чудесного творения Божия. Почему именно христианским восприятием? Потому что, по нашему убеждению, истинное христианство способно изменить весь мир, а его сделали земной религией и приспособили для обыденных нужд. Христос есть дверь, а мысль – это то, что пытается ее закрыть.

Не будем отговариваться здесь пустыми фразами о вдохновении и прочем, связанном с такого вида творчеством, так как правда, подобно родниковой воде, просочится повсюду, где есть в ней нужда. Однако для того, чтобы знать правду, нужно иметь смелость. И если ты хочешь скрыть свои

грехи от людей, то не совершай их, а если хочешь утаить то, что ты – поэт, не пиши стихи. В этом утверждении есть парадокс. И потому, когда ты не совершаешь грехи, ты начинаешь смело творить добрые дела и побеждаешь с помощью благодати своего злейшего противника – труднообуздываемый ум, а когда не пишешь стихи, тогда они изливаются сами собой, оставляя сердце в покое и несколько не побуждая его погружаться в безсчетные помыслы, творя его как бы безстрашным жителем иного мира, который не от мира сего. Христос – это величайшее чудо во всей вселенной и в каждом сердце человеческом, поскольку Он есть тихий свидетель всех наших переживаний, и Ему интересны только те живые чувствующие души, которые устали от жизненных разочарований и обманов мира сего и желают непременно соединиться с Ним навеки. Для того чтобы познать это Божественное таинство, нужно, как говорят богопросвещенные поэты, «вмолчаться в эту тишину» сердцем, погруженным в безмолвие, и всмотреться в ее сияющую безпредельность глазами, наполненными солнцем. Тогда душа, постигая Бога в самой себе, в правоте, так сказать, человеческого сердца, отделившегося от всех земных помышлений, не может удержаться от того, чтобы не отдать Творцу всю себя целиком, в великой благодарности принося Христу свою нескончаемую любовь, как благоговейный плод уединенных молитв и духовных созерцаний, всегда помня о том, что молитва есть подготовка ума к великому молчанию в Боге.

Именно такими стихотворными строками о любви к Богу, написанным по молитвам прп. Симеона Нового Богослова и родившимися как бы сами собой, мы не можем не поделиться с близкими и дальними сомолитвенниками, говоря об этом

с ними в открытую, где скрывать друг от друга, собственно говоря, нечего, поскольку, если человек охладел в Божественной любви, значит, он никогда ее не имел, поэтому сказано: «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Еккл. 7:29). Живущие помыслами и утратившие сострадание более всего склонны жить расчетом, становясь ревностными приверженцами законности и земных судилищ, но не Христовой благодати: может ли нарисованное солнце разгонять тьму? Итак, будет ли правильным сказать по поводу современной религиозности, что хотя сейчас святых и нет, но зато никто не находится в прелести? Или же именно поэтому и не встретить теперь святых, что большинство находится в прелести?

Исходя из всего, сказанного ранее, можно заметить, что человек истинно живет и спасается лишь тогда, когда его сердце находится в Боге. Поэтому, чтобы иные не поставили в вину нам, ничтожным, даже малейшую ошибку в предисловии, не будем растягивать вступление, а, помолясь и попросив у всех прощения, предадим себя милости Божией, напоминая себе и друг другу о том, что каждое раннее утро, как только мы открываем глаза, непременно должно у нас начинаться со встречи с Возлюбленным Богом, что каждый новый день всем нам следует неустанно продолжать наше вхождение в сокровенную жизнь Самого Бога и что каждую последующую ночь в глубоком молитвенном восхищении и в крайнем благоговении должно совершать всецелое соединение нашего духа с бесконечно милостивым Господом и Спасителем Иисусом Христом, Которому слава подобает ныне и присно и во веки веков: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14:20).

МОЛИТВЫ С СИМЕОНОМ НОВЫМ БОГОСЛОВОМ

*Молитва есть бесконечное творчество,
высшее всякого искусства или науки.*

Архимандрит
Софроний (Сахаров)

1

Ты – безымянное сокровище
и радость вечная моя,
мольбу души не отвергающий,
приди и весь вселись в меня.
Трех Лиц Лицо непостижимое,
Ты – невечерний свет уму,
как ликованье непрестанное,
приди Единый к одному.
В моем бескрайнем одиночестве
Ты – пробуждение от сна,
живым – надежда и спасение,
а мертвым – вечная весна.
Одним лишь воли мановением
в желанном Имени представ,
Неосязаемый, Неведомый,
Ты изменяешь мой состав.
Каков Ты есть? Как появляешься?

Ты движешься и недвижим,
в душе святым живешь влечением
и сердце делаешь святым.
Ты – наслаждение неизменное,
неслитно с духом сопряжен,
Твоим присутствием Божественным
мой ум, как солнцем, освещен.
Внутри меня Ты – море сладости,
хочу любить Твой свет живой,
и познавать, и сочетаться с ним,
и в нем соцарствовать с Тобой.

2

Кто в мире есть, но не от мира?
Кто сердцем с Богом говорит?
Кто Бога чествует и любит,
в любви и ходит, и стоит?
Кто стал для Бога проницаем?
Любя, кто Божеством любим?
Кто светом став, во тьме сияет?
Кто, как и Бог, непостижим?
Кто в похвалах всегда безстрастен?
Кто ниц в роскошнейшем дворце?
Кто странствует в Небесных сферах –
в Незримом для очей Отце?
Кто добровольно беден, скуден?
Кто помыслами не прельщен?
Кто преисполнен благодати?
Кто зрит Того, Кто обретен?
Кто вне всего, но в Боге дышит?
Кто победил пред смертью страх?
Кто зримо Бога созерцает?
Безумец и еще монах...

3

Ответом на злые деянья
пусть будут и плач, и рыдания.
Ступай, как на казнь осужденный,
живи, как к кресту пригвожденный.
Отвергни бесстрастно мирское
и тело свое, как чужое,
и ум свой, что к лени привык,
и жаждущий сплетен язык.
Стой в Боге, всем сердцем вздыхая
и воли ему не давая,
рукам не давай дел постыдных,
ушам – пересудов обидных.
Лишь старцу грехи исповедуй –
все помыслы, скорби и беды.
Знай, все обольщения славы –
игрушки и бесов забавы.
Очисти духовные очи
постами, молитвой и прочим.
Прозри Святым Духом в Единое,
без мыслей о плоти – в Незримое.
Пожертвовав страстью пустою,
Творца восприемлешь душою.
Став светом Небесным в итоге,
безмолствуй без образов в Боге.
Избавь ум от противоречий,
а душу – душевных увечий.
Надменность и гордость – пороки,
где кроются злобы истоки.
Тону в них, бессильный, несчастный,
молю у Христа ежечасно
в паденьях моих – снисхожденья,
а тем, кто не любит – прощенья.

4

Кто знает все о Боге, но не Бога –
 он в полном заблуждении живет.
 Тот, кто решительно родных, друзей покинул,
 оставив землю, Небеса найдет.
 Ведь робость или трусость не помогут
 и на людей опоры нет ни в ком.
 Ты, отсекая свою волю, помни твердо:
 уйдя от мира, уходи с Христом.
 Лишь сила Божия людей творит богами.
 Кто нам защита, если Бог не защитит?
 А плач и слезы выправят любого,
 кто худ и нищ и кто в грязи лежит.
 Свет невестественный увидев, просветишься,
 ум станет ясным, мудрою душа.
 Живет лишь тот, кто с Богом стал единым,
 кого любовь бессмертная нашла.

5

Любовь – это Бог и загадка,
 хранящая много вопросов:
 скажи, почему ее сердцу
 постичь нелегко и непросто?
 Любовь – это огненный пламень,
 который грехи пожигает,
 но как же душа в этом свете
 горит, но никак не сгорает?
 Любовь – это сладости воды,
 которые дух мой хоронят,
 но как мое бренное сердце
 нисколько в воде той не тонет?

Любовь – это свет окрыленный,
 к душе прилетевший бесплодной,
 но как и когда, просветившись,
 душа моя стала свободной?
 Любовь – это Бог, ставший плотью,
 Который творит нас богами.
 Как терпишь Ты нас и прощаешь,
 не сделав Своими врагами?
 Любовь – это Бог и Премудрость,
 что благом сердца наполняет,
 но как их Она, без укора,
 в объятья Свои принимает?
 Как терпишь Ты нас и спасаешь?
 Как милуешь в Духе Святом?
 Скорбящего, грешного, Спасе,
 прими меня в Царстве Твоем!

6

Когда Тебя, Господь, я отыскал внутри?
 И как Твой свет увидел я? Не знаю.
 Теперь же и внутри Ты, и вовне,
 когда Тебя ночами созерцаю.
 На Небесах Ты и в душе живешь,
 внутри – как солнце и как свет – снаружи.
 И не пойму я, для чего Тебе
 такой, как я, в моем паденьи, нужен?
 В сияньи славы воссияй во мне,
 учить и просвещать меня Ты волен,
 чтоб люди прославляли благодать,
 что избавляет от душевной боли.
 Твой яркий свет сияет сквозь века,
 меня же мучат скорби и увечность –
 нет сил во мне всего Тебя обнять
 и в дух вместить Твою святую вечность.

Но хватит мне и капли небольшой
из безпредельного немеркнущего света,
пусть сущности Твоей мне не постичь,
но то, что Ты – любовь, благодарю за это.
Ты всем невидим, но Тебя я зрю,
лишь только ум молитвою омою,
ведь плоть земную претворила в рай
Твоя любовь, единая с душою.
О всех живых и мертвых я молю,
Ты всех их сделай вечности сынами.
Ты – Бог и человек, мы – просто персть земли,
и все ж – бессмертны мы,
когда Ты в нас и с нами.

7

Слова бледны, и помыслы бедны,
И в сердце – слепота и мутность.
О, никогда меня не обмани,
безумная земная мудрость!
Насколько чужды Богу души тех,
кто в слепоте в мирскую впал превратность!
Но кто объемлет целиком Твою
святейшую живую необъятность?
Я опьянен незримой красотой,
которой Ты владеешь, Вседержитель,
и легковесным знанием земным
не дорожу, как Ты велишь, Спаситель.
Хвала тому, кто телом восхищен
на небеса желанием духовным,
кто возлюбил безстрастья благодать,
рассорившись с влечением греховным.
Как в мертвом теле, он живет без бед,
безстрастный в этом страстном мире,
и иступление ума ему ценней в сто крат,
как чистый хлеб ценнее грязной пыли.

Небесное прекрасней всех утех,
где мудрость далека от постиженья.
Тебя я созерцаю без помех
до полного в Тебе преображенья.

8

Печальной вестью ужасаясь,
я с ближним умер заодно,
что было жизнью, стало тенью,
и гибнет то, что жить должно.
За каплей капля рушит камень,
как нашу жизнь – за мигом миг.
Нет неизменного под небом:
вчера – дитя, теперь – старик.
Чем больше ты спешишь ко благу,
тем недоступней благодать,
и горек опыт мой бесплодный –
распад телесный удержать.
Предавшись милосердью Бога,
мой брат земной оставил дол
и без скорбей и сожалений
на небеса навек ушел.
Душа его исчезла в дымке
земных печалей и забот,
но свет любви еще струится
в то сердце, где Христос живет...

9

Свершилось! Настало великое чудо:
отныне мой дух не пребудет одним.
Он въяве постиг, восходя в изумленье,
что Бог изначально желает быть зрим.
Кто скрылся смиренно от лицезренья
апостольских взоров и вышел из дел

и одесную Божественной славы
на Отчем престоле в сияньи воссел,
Христе, Ты предстал, как Любовь, человеку,
душе Ты Свои Небеса распахнул,
Дух Божий, Дух Истины и утешенья
в нее, словно пламя живое, вдохнул.
И трепет, и ужас всю душу объемлют,
как выдержать то, что являет Сам Бог?
О, как описать это словом бессильным?
Немеют уста и язык изнемог.
Лишенному добрых молитв и деяний
и грешному больше всех прочих людей,
Ты плач даровал и огонь покаянья –
тому, кто родился в грехе и блуде.
В трех солнцах Божественных зрит он сиянье
с Отцом и Божественным Духом – Христа.
Прозрел человеческий дух просвещенный –
что в Троице свет и любви высота.
Он зрит непрестанно души измененья
и сердцем горит, опьяненный Христом.
Тому, кто был слеп, но не знал просветленья,
Бог дал созерцать Себя в Духе Святом.
Кто в недрах сердечных блуждал и терялся,
игрою ума дорожил без конца,
познав бесконечное счастье Спасенья,
кто Сына увидел, тот видел Отца.
Не выдержав силы великого света,
он спрятался в мысли, как в мысленный гроб.
Он умер, как грешник, но заново ожил,
став духом горящим, как солнечный столп.
И нету предела его изумленью –
стал богом заблудший в грехах человек.
Христос – его сила, блаженство, бессмертье,
и слава отныне Ему и вовек!

Оскверненный и нечистый
в помыслах, в делах,
не желаю пустословить
и впадаю в страх.
Уязвлен душою грешной,
о других молчу.
О Тебе, Господь Всевышний,
говорить хочу.
На любовь Твою взираю –
нет Тебя родней!
И в отчаянье впадаю
от судьбы моей.
Я растлил себя грехами,
став причиной зла,
вспоминая Твою милость,
плачу до утра.
Сокрушаюсь я, несчастный,
голос мой увял,
о грехах своих помыслив,
я безумным стал.
Не имею ничего я
доброего в себе
и к грехам грехи слагаю,
заблудясь во тьме.
Грешный, я Тебя отринул,
стал душою наг.
Как меня Ты удостоил
столь великих благ?
Ожидаю наказания
каждый день и час,
Ты согрел меня любовью
и от муки спас.

За мою неблагодарность
дал мне благодать,
взор на образ Твой пресветлый
не могу поднять.
Покаяньем утешаюсь,
скорбь, как воду, пью,
о прощеньи неотступно
я Тебя молю.
Ты забрал меня от мира,
отделив от всех,
знаешь Ты во мне, Христе мой,
каждый малый грех.
Жажду вечного Спасенья,
не желаю в рай,
укрепляю дух молитвой,
слыша бесов лай.
Твой покров лишает слова
грешный мой язык,
ко стопам святого старца
молча я приник.
Я желал бы отрешиться
от всего, что знал,
за святое послушанье
у престола встал.
Вечной Троицы служитель,
за людей прошу,
о себе Христу со страхом
вздохи возношу.
Боже, дерзко я вступаю
в Твой пресветлый храм,
Хлеб Святой с пречистой Кровью
подношу к устам.

Ты, Спаситель, мою душу
в Новый ввел Завет –
в благодатный, неприступный,
неотмирный свет.
Ты вошел в меня всецело,
став со мной одно,
Духа Божия наитьем
сердце спасено.
Я послушником желал бы
до исхода быть
и в смирении глубоком
всем, как раб, служить.
Отвечать за все придется,
что же мне сказать?
Дай мне, Человеколюбче,
за Тебя страдать.
Что смогу я, недостойный,
Богу предьявить?
Остается до конца мне
лишь Тебя молить.
Чтобы Ты, Христе, жил в людях,
я Твой свет хвалю,
и Божественность, и святость,
и любовь Твою.

Сердечный отблеск и ума сиянье,
что тварное не видит существо,
неуловимый, невместимый Светоч,
прекрасней Ты, желаннее всего.
Сокрыт, невидим, крайне неприступен,
не отыскать, не удержать Его в себе.
Ты вожденней больше всякой жизни,
томлюсь, ищу Тебя повсюду и везде.

Когда тот Свет не вижу, то пылаю,
неутолимой жаждою измучен и томим,
вперед гляжу – Его не примечаю,
лишь обернусь – опять я вместе с Ним.
Отчаявшись, рыдаю в призываньях,
Он зрит меня и видится вовне.
Дивлюсь красе Его и страхом поражаюсь –
Бог небо отворил и входит в душу мне.
Безмерна высота Его блистанья,
где немощной душой я ничего не зрю,
и все же, приглядевшись, примечаю:
Он освещает внутренность мою.
Он нежно обнимает, прикасаясь
к сердечной глубине, и слышит слух,
как сердце наполняется блаженством
и изменяется безмолвствующий дух.
Я духом приобщаюсь к славе Бога,
сияет все: внутри, вокруг, вдали,
и тело светоносно, словно пламя,
как невесомое, бездвижно в забытии.
Блаженней Он блаженнейших созданий,
объемлющий пространство вглубь и вширь,
Создатель мой, Тебя я созерцаю
как Свет Божественный внутри своей души.

12

Как слабым словом сердцу передать
Твои суды и чудеса, Владыко?
Как высказать святую благодать
Твоей любви, безмерной и великой?
Ты наделяешь душу глубиной,
испепеляя помыслы безверья,
преображая дух увядший мой
сияньем славы, силы и бессмертья.

20

Ты никогда не ставишь мне в вину
грехи мои и многие паденья,
и потому никак я не пойму,
каков Ты есть, стремясь к Тебе с рожденья.
Как Ты таинственным сияющим лучом
преображаешь сердце в свет Небесный?
Как душу Ты творишь Своим огнем
в прекрасный образ, светлый и чудесный?
Как Ты в уста мои влагаешь благодать?
Как делаешь язык лучом нетленья?
Как допускаешь причащаться и сиять
тому, кто жил без веры и смиренья?
О злых деяниях моих Ты позабыл
и кротким светом душу просвещаешь,
даешь понять мне, кем я стал и кем я был,
и благодатным разуменьем наделяешь.
Ко мне Ты всячески в любви благоволишь
за исполнение судов Твоих и правил
и каждой заповедью с сердцем говоришь,
которое служить Себе поставил.
Пред светлой славою и крепостью Твоей
я, грешный, у престола воздеваю длани,
моля, чтоб Ты помиловал людей,
которые прошли огонь страданий.
О, ослепление сердец, упавших в грех,
поправших собственную святость так некстати,
смех и веселие своих земных утех
предпочитающих Христовой благодати!
Кто, обрета Христа, вдруг обратится вспять?
Кто, в Троицу вселясь, захочет дел греховных?
Тем, кто от мира не отрекся, не стяжать
ни вечной Жизни, ни плодов духовных!

21

Кто чувств своих в себе не умертвил,
кто не избавился от всех земных пристрастий,
тот и родившись, никогда не жил,
оставшись навсегда рабом бесовской власти.
Кто ей с решимостью, борясь, противостоял,
тот из пелен и савана воскреснет!
Господь, как Лазарю, Ты жизнь мне даровал,
чтоб вечной Жизни стал я провозвестник.
Ты – целомудрие, Ты – святость, чистота,
Ты – совершенство в малом и во многом,
и та душа смиренна и свята,
когда едина со смиренным Богом!

13

Душа твоя – дом Бога
и вечности чертог,
монаха жизнь убога,
но он живет, как бог.
Ему не одиноко,
он со Христом – одно,
и все единым Богом
в нем преображено.
Он – образец смиренных,
где мир лежит во зле,
и, как один из древних,
он – ангел на земле.
В лик мучеников верных
вошел с венцом чудес
деяний безпримерных –
наследником Небес.
Он к лику преподобных
навеки сопричтен,
исполнен благ духовных
и Духом просвещен.

22

Не упускай мгновенья,
когда Христос в тебе,
стяжав венец Спасенья
наперекор судьбе.
Не будешь друг для гроба,
для святости – чужим,
коль убежишь от злобы
и цел, и невредим.
Беги, как лань от тигра,
имея смерти страх,
от суетного мира,
коль скоро ты монах.
Что ищешь на земле ты,
и грешной, и пустой?
Вмени ее в уметы
и ум свой успокой.
Не лги, что невозможен
стяжавший благодать,
монах всегда обожен,
умея созерцать.
Дух в созерцанье истин
пусть будет прям, как трость,
ум обнажен от мыслей
и вбит в него, как гвоздь.
Не лги, что Бог невидим,
что свет Его – лишь миф,
он сердцу очевиден,
тому, кто сердцем жив.
Взывай, рыдай и кайся
в содеянных грехах
и в Троице спасайся,
коль скоро ты монах.

23

Оставьте в келье одного –
 в ней одному привычной,
 где мне не нужно ничего
 перед лицом Владычным!
 Не отвлекайте душу зря
 от света созерцанья,
 чтоб ничему земному я
 не отдавал вниманья.
 Закройте в келии меня
 рыдать в ней многократно.
 Кто, Безначальное найдя,
 Его предаст обратно?
 Стенать я буду без конца,
 терпя людей упреки,
 что потерял в душе Отца
 за гордость и пороки.
 Ко мне пришел огонь иной,
 не тот, что бродит в страсти,
 он – вне всего, он – Дух Святой
 и жизни вечной счастье.
 О, я желал бы всех людей
 спасти, пусть каждый знает,
 как, солнца ярче и светлей,
 Христос в груди пылает.
 Любовь Христа в себе нося,
 тот смерти не страшится,
 ведь той любви украсть нельзя,
 которой смерть боится.
 Душа бессмертна со Христом,
 бессмертным и смиренным,
 Свет безымянный – ты мой дом
 во Царствии нетленном.

Блажен, кто стал Тебе, как друг,
 Господь, в любви блаженной.
 В единстве нераздельном дух
 спасен Царем вселенной.

Взгляни, Христе, откройся,
 раскрой мой спящий ум,
 со мною беседуй,
 чтоб не был я угрюм.
 Войди в меня теперь же,
 всем людям расскажи,
 что Ты доступен сердцу,
 но недоступен лжи.
 Ты тем, кто суесловит,
 на деле подтверди,
 что Ты живешь всецело,
 как свет, в моей груди.
 Тем, кто твердит надменно,
 что нет, как ни ищи,
 кто въяве видел Бога –
 хотя б одной души.
 Мол, не слышать такого
 во всех веках иных,
 за исключением только
 апостолов святых.
 Что Бог всегда неведом,
 невидим для людей,
 ответь, Христе, невеждам,
 чтоб были поумней:
 «Всегда Я безначален
 и прежде всех времен,
 единственным был Богом,
 превыше всех имен.

Ума превыше, слова
и представлений всех,
Един с Единым вместе,
без всяческих помех.
Превыше всех созданий,
как суть – непостижим,
всегда с Отцом и Духом,
природой невместим.
Меня, как света ясность,
дано тому узреть,
кто ум во Мне упрочил
и уничтожил смерть.
Равновеликим Богу
нельзя стать никому,
но видеть Мою славу
дано Отцом уму.
Когда он чист, смиренен,
обожен до глубин,
восхищен в созерцанье
и стал со Мной един».

16

Опять ко мне приходит свет,
он просвещает ночь и тьму,
неся душе святое созерцанье,
блаженство – сердцу, чистоту – уму.
Свет отделяет ум от мира чувств
и пребывает целиком со мной,
он появляется – я замираю,
убогий, жалкий, скверный, немощной.
Он вспыхивает молнией внутри –
души и сердца неотмирный свет,
я – вне всего, всецело в восхищеньи,
не ведая: я – в теле или нет.

26

Он – то незлобив, чист и очень прост,
то ослепителен и нежен в красоте,
им становясь, ум забывает помышленья
в Твоей любви и сострадании, Христе.
Я вопрошаю Бога в тишине:
«Как землю с Небом мне соединить?
Как ум унять, от помыслов отречься,
как верить мне, как чувствовать, любить?»
Ты строго, Боже, в сердце говоришь:
«Считай, что умер ты и погребен
и что давно оставил персть земную –
друзей, родню и все, во что влюблен.
Оставь заботу о мирских делах
и низменную славу, и почет,
и, взяв свой крест, не бойся искушений,
иди за Мной, как Дух Святой влечет.
Ты скорби с радостью носи, терпя,
и с благодарностью – насмешек тьму,
чтоб сделались они венцами благодати,
причастным сделав дух твой Божеству.
Безчестья тернии и оскорблений желчь
ты принимай, за все благодаря,
когда из грешников сочтешь себя последним –
родится в сердце святости заря.
Тогда, за правду язвы получив,
душой возрадуйся – ты стал братом Мне!
Кто подражает так Моим страданьям –
тот с Царством света будет наравне».
Оплакивать безверие людей –
отныне путь мой, и стезя, и бич.
О Господи, молю, поправ преграду плоти:
дай духу моему Тебя в Любви постичь!

27

Рождение для меня – конец,
 лишь в смерти снова жить я начинаю.
 Откуда я пришел, Творец?
 Куда потом уйду? Не понимаю.
 Я – плоть и взят я от земли,
 как прах, был вылеплен из праха,
 я тленен и лежу в пыли,
 исполненный смятения и страха.
 Дух на земле живет лишь миг,
 со скорбью оставляя тело.
 Закон бессмертья в жизнь мою проник:
 оно воскреснет во Христе всецело.
 И все ж, пока я только плоть,
 мне враг коварно расставляет сети.
 Господь, дай сил мне побороть
 безчисленные искушенья эти.
 Пусть ад неугасимый мне грозит,
 я трепещу, дрожу и горько плачу.
 К Тебе, Владыко, сердце вновь спешит,
 поскольку в подвигах я ничего не значу.
 Ты слышишь, Боже, не оставь меня,
 не допусти погибнуть в отдаленье
 от неземного Твоего огня
 и Твоего святого освященья.
 Твой облик дивен, слава велика,
 кто из людей достоин созерцаний –
 по милости Твоей, хотя б издалека,
 увидеть лик Твой в облаке блистаний?
 Вселенная всегда полна Тобой,
 Ты – Дух, невидимый для глаза.
 Ты – вне всего, и все-таки Ты – мой,
 как солнце, как звезда, как свет алмаза.

Ты как светильник или как свеча,
 горящая внутри сосуда,
 я чувствую душой, как горяча
 та благодать, что светит ниоткуда.
 Внутри себя я жизни не ношу,
 Ты – жизнь моя, мое сосредоточье,
 и потому, что я Тебе скажу –
 все будет бледно и весьма неточно.
 Спаситель, на Тебя смотреть
 нет сил, но также невозможно
 Тебя, не созерцая, умереть,
 храня в душе Твой облик безнадежно.
 Божественную благодать приняв,
 как мне уразуметь Твою природу?
 Ты – несозданный Бог, создал меня,
 чтоб даровать мне вечную Свободу.
 Нет, не найдут Тебя нигде
 лишены Божественного света,
 их жизнь в кромешной сгинет темноте,
 и в душах не найдут они ответа.
 Без созерцания Божественных вещей,
 чьи очи в тине злобы и порока,
 как те, кто в эгоизме всех наглей,
 увидят, словно солнце, славу Бога?
 Неизъяснима благодать того,
 кто отошел от низменных желаний,
 ту радость не познает здесь никто,
 кто не прошел Христовых испытаний.
 В Небесный Иерусалим
 взойдет душа до вышнего чертога,
 обоженная Духом Пресвятым,
 которая едина с Вышним Богом.

и всем сердцем веруй в Бога –
это радость, счастье, благо.
Он есть Хлеб, для нас насущный,
Солнце, вечно молодое,
Воскрешенье, утешенье
и согласие с душою.
То Единство через Слово
все содержит, созидая,
озаряет благодатью,
возрождая и спасая.
Только я утратил счастье –
дверь к Небесному чертогу,
без одежды светоносной
потерял любви дорогу.
И себе я в оправданье
говорю: ведь все такие,
как и я, живут на свете,
к свету Божьему слепые.
Отвергающим безстыдно
все Священные Писанья
снисхожденья не являешь,
Боже правый, в наказанье.
Возвестил, что Ты – свет миру,
только им тот свет не нужен,
все они душой слепые,
но и мертвые к тому же.
Милосерднейший Владыко,
не лиши меня прощенья.
Ты – Источник вечной Жизни
и святого разуменья.
Чтоб себя я видел гостем,
в мир пришедшим неуютный,
восходя в благоговенье
в мир Божественный и чудный.

Сохрани меня, Спаситель,
посели в Раю безгрешном,
умоляю Дух Твой светлый
нынче плачем безутешным.
Как мытарь, вздыхая, плачу,
как блудница, я рыдаю
и Твои святые стопы
волосами отираю.
Копием в бок прободенный,
Ты мне милость изливаешь
и, гвоздями пригвожденный,
сердце нежностью пронзаешь.
Чтоб предстать неосужденно
пред Твоей, Господь, любовью,
освяти меня нетленно
Твоим Телом, Твоей Кровью.

20

Взгляни, о Христе мой, на скорби,
взгляни, как уныл я, угрюмый.
Безсилье мое с нищетою
скрываю под горькую думой.
Над немощным встань, Иисусе,
сияй мне, как прежде, о Слове,
как некогда в юности чистой
сиял Ты с икон в изголовье.
И очи мне к свету отверзи,
чтоб видел Тебя я безмерно,
постигнув и радость и Царство,
которое вечно безсмертно.
Зачем Ты Свой лик закрываешь,
со мной разлучаясь мгновенно,
ведь Ты с тем расстаться не хочешь,
кто любит Тебя неизменно.

Зачем Ты меня сокрушаешь,
зачем так безжалостен тайно?
Зачем от меня ускользаешь,
приблизив к Себе неслучайно?
Ты знаешь, как сильно люблю я,
к Тебе устремляясь душою,
явивший Себя многократно,
останься навечно со мною.
Ты истинен, праведен, Боже,
Ты любишь Тебя полюбивших,
но больше всего освящаешь
всех, жизнь за Тебя положивших!
Ты словом становишься в сердце,
как Жизнь, Ты в душе обитаешь,
Сынами являешь Своими
лишь тех, кого любишь и знаешь.
Душе распахни двери света,
уму отвори вход безсмертья,
излей благодать изобильно
во дни моего лихолетья.
Иисус отвечает смиренно:
«О сыне, Я сущий – извечен,
зачем ты, из праха восставший,
ведешь неразумные речи?
Ты судишь об этом неверно,
что Я разлучаюсь с душою,
слова твои несправедливы,
поскольку всегда Я с тобою.
Я светом был прежде созданья,
Я был, вечно есть и пребуду
во всякой безчисленной твари,
езде и во всех и повсюду.
Премудрость есть в этом большая:
ничем из всего Я ведь не был

и также ни с чем не сливался,
что создано было под небом.
И не был внутри Я созданий,
однако был вместе со всеми,
и все же остался, как прежде,
не познанным полностью теми.
Я создал из брения тело,
вдохнул в него душу живую,
Своей не затронув природы,
использовал силу святую.
Затем, разумей, Моей силой,
вдохнув в тебя умную душу,
тебя человеком соделал,
чтоб ты Мою заповедь слушал.
Из двух ты природ появился:
безчувственно зримого тела,
а также словесной, незримой
души, совершенной всецело.
Создания также различны:
вещественны, так и духовны.
Вещественны те, что ты видишь,
иные же – Ангелов сонмы.
И так человек между ними
среди чувственных – он невестествен,
среди духом одетых – он чувствен,
стяжав благодать – он божествен.
Среди неразумных – разумен,
среди безсловесных – он волен,
способному умственно видеть
Себя ему видеть позволил.
Ему одному подчинил Я
всю тварь, все земные созданья,
чтоб Лик Мой всегда созерцал он,
Мои прославляя деянья.

Он чувственно сущее видел,
а умно – весь свет Моей славы,
когда же вкусил он от древа,
нарушил он Рая уставы.
И сразу духовно ослеп он,
надеясь от Бога укрыться.
Безумный, в безкрайней вселенной
нельзя от Меня утаиться.
Но ты не разумнее прежних
и мыслишь, что Я не являюсь.
Зачем на земле Я родился
и плотью облекся, смиряясь?
Как Слово соделалось плотью,
от плоти принявши начало?
Как Богом осталось по сути
и как Человеком предстало?
Познай же любовь Мою к людям,
чтоб знали Меня они сами,
чтоб видели чувственным оком
и даже касались руками,
Я, их слепоте сострадая,
сошел, по природе незримый,
чтоб мир убережь от паденья,
так бережно Мною хранимый.
Пока был Адам рядом с Богом,
то жив был и смерти не ведал.
Когда ж преступил повеленье,
изведал проклятье и беды.
Не смог он признать согрешенье,
ведь Я покаянье приемлю,
и, быв осужден справедливо,
в грехе возвратился он в землю.
Хотя это стало укором
и жалом греха в человеке,

но злу Я не дал укрепиться,
чтоб стало бессмертным вовеки.
И так наказание открылось
любви Моей благодеяньем,
а смерть – сокрушеньем неправды
и с Богом на Небе свиданьем.
А те, кто жил свято и чисто,
приходят в Мой свет неизменный
и до оставления тела
взирают на Лик Мой священный.
Излил Пресвятого Я Духа
в смиренных сердца не бессильно,
открыл Свое имя всем людям,
спасая их любвеобильно.
Явил Я делами Своими,
что Бог есть Творец и Зиждитель,
и всех привожу ко Спасенью,
поскольку Я – мира Спаситель».

21

Господи, даруй мне разум,
дай благодать разуменья,
Сам научи меня, Боже,
помнить Твои повеленья.
Я – человек самый грешный,
больше других согрешивший,
Ты пощади меня, Спасе,
Жизнь за других положивший.
Каюсь я, нищий, убогий
самых убогих под твердью,
сделай со мною, что знаешь,
по Своему милосердью.
Страшен мне, о Милосердный,
мир сей – предвестие ада,

дал Ты узреть мне, Владыко,
благость Небесного сада.
Старца открыл Ты, Христе мой,
мне отворил он объятья,
душу к Отцу он возвысил
через Тебя, без изъятья.
Троицу мне изъяснил он,
ум мой возвел к созерцанью,
сердце привел к благодати,
душу призвал к покаянью.
Ты же меня удостоил
сыном Твоим называться...
Беден словами язык мой,
чтобы с Тобой объясняться.
Как мне из уст недостойных,
скверных, нечистых и грешных,
Бога хвалить, прославляя
в благодеяньях чудесных?
То, что Ты даруешь верным,
мир то вместить не способен,
вот почему нас злословит,
гонит, завистлив и злобен.
Вечно готов он убить нас,
в зле против нас изощряясь.
Ты заповедал, Владыко,
стойкими быть нам, смиряясь.
Чтоб в нищете богатели
в сердце – любви красотой,
в радости – гимнов звучаньем,
в скорби – души чистотой.
Мир сей, так скудный любовью,
любит лишь ада утробу
и при крушенье удержит
только бесплодную злобу.

22

Я Истину вижу, сомкнув свои вежды,
отвергнувши мир ненавидимый,
и, в мире живя, сохраняю надежду
на свет невечерний, невидимый.
Жизнь мира сего, столь любимая всеми,
не жизнь, но лишь смерти забвение,
а жизнь – это Бог, что в руках держит время
и общее душ воскресение.
Люби Его сердцем, умом и душою,
пусть мир сей тебя не заботит,
его не поймешь, он играет с тобою
и неуловимо проходит.

23

Возжелав свободы от помышлений скверных,
от блуда и гнева, действий лицемерных,
в чистоте от мыслей ты всегда усердствуй
и храни в безстрастьи душу, ум и сердце.
Кто возжаждет видеть свет в уме предвечный,
пусть себе внимает в чистоте сердечной,
кто не помнит злобы и людей не судит,
тот всегда у Бога лучшим другом будет.
Пусть он будет стойким, в мыслях откровенным,
кротким и спокойным и всегда смиренным.
Чтоб стяжать обитель в Царствии преславном,
пусть он пост с молитвой держит неослабно.
В добром подвизаясь, станет путь несложен,
и Христом с любовью будешь ты обожен.

24

Подай, Христе, мне мудрость в Божьем слове
и ум Божественный и в просвещении ясность.

Ты знаешь слов моих всю бедность и всю немощь,
к мирским наукам сердца непричастность.
Ты знаешь все, что лишь Тобой живу я,
Твои – познание, радость, мудрость свыше.
Ты – Бог Спаситель и защитник жизни,
дыхание души, беспомощной и нищей.
Я – странник на земле, пришелец Неба
и неискусен в диспутах и спорах,
а Ты – покров мой и обитель утешенья,
хвала моя, надежда и опора.
От мира Ты сумел меня исхитить
и к благодати приобщить священной,
пусть хуже я людей и тварей бессловесных,
Ты – Бог и Слово в милости безмерной.
Дай ясность слову моему и крепость
всем рассказать, кто мнит себя ученым,
правителям, архиереям, иереям,
монахам, сединой убеленным,
которые считают, что Тебя познали,
непостижимого Христа Владыку,
Предвечного, сокрытого для помышлений,
Того, Кто неприступен ангельскому лику.
Услышьте все, что Бог вам возвещает,
и то, что Он влагает в ваши уши,
а более всего – в сердца глухие,
чтоб пробудить от усыпленья души:
«Правители, пусть вы на войны скоры,
но с собственным грехом вы брани не творите.
Что пользы защищать страну от вражьей своры,
когда вы рабство славолюбия влачите?
Когда всегда рабами остаетесь
страстей, пороков и бесов лукавых,
самим себе приуготовив смерть и муку
в деяниях корыстных и неправых?»

Любовь и милость к ближним – вот защита,
что сохранит страну и ваши жизни!
Кто к заповедям Божиим стремится,
тот людям благо принесет без укоризны.
Епископы, митрополиты, знайте:
вы – отпечаток образа Христова,
поставлены вы говорить пред Богом
и ближним возвещать Мое святое слово.
Я – Бог, но среди людей Я воплотился
и стал двояким – в действиях и волях,
как человек, Я всех вас удостоил
Меня касаться и стяжать изволив.
Как Бог, Я пребываю недоступным
для ваших глаз и для сердец незримым,
за всех закланый – вечно неприступен
и остаюсь всегда непостижимым.
Среди епископов немало горделивых,
что превозносятся всегда над остальными,
весьма далеких от достоинств сана
и занятых деяньями пустыми.
Здесь не о тех реку Я, у которых
слова согласны с жизнью и делами,
но лишь о тех, кто, воздевая руки,
Меня не видят мертвыми сердцами.
Мой Хлеб едят, огонь в себе несущий,
его вкушая, хладны, равнодушны,
смиренны видом, но внутри гневливы,
что ценят лесть и клевете послушны.
Сожженных в совести, а после – осужденных,
о тех Я говорю, что праведны лишь с виду,
безстыдных в алтаре, но важных в лицезренье,
скрывающих в душе и зависть и обиду.
Как некогда на вечери со Мною
себя предателем Иуда в ней ославил,

Мой Хлеб святой вкусил он недостойно,
и тотчас же вошел в него диавол.
Такое совершается и с теми,
которые в безстыдстве остаются,
кто дерзко, очень гордо, недостойно
Священных Таинств вознамерились коснуться.
Когда бы видели Меня, то убоялись
не только к Телу подойти, но и к притвору,
и не дерзали бы носить Мои одежды,
безстыдному в них уподобясь вору.
Все тайное во тьме Бог содевает явным,
но кто, скажите Мне, теперь из духовенства
вначале бы себя очистил от пороков
и лишь затем дерзнул принять священство?
Кто скажет нам, что, ради лишь спасенья,
священства возжелал и пренебрег тщетою?
Кто деньги и к деньгам пристрастие отринул,
кто только лишь Христа всей возлюбил душою?
Кого не жжет за недостойность совесть?
Кто не купил за лихоимство иерейство?
И кто не предавал Христовой благодати,
за взятки совершая разные злодейства?
Кто не хотел бы жить влиянием и властью,
считая то безгрешным в жизни делом?
Кто не писал доносы для начальства
и не хитрил ни в малом и ни в целом?
Поистине, кто паствы достойн,
чтоб к Богу возносить молитвы дерзновенно?
Нет никого такого в наше время,
кто б сердце чистое имел одновременно,
кого бы совесть тайно не корила,
кто не грешил открыто и не каюсь,
во тьму греховную упав неосторожно,
безчувственно в нее, как мертвый, погружаясь.

Не ведая Христовой благодати,
не в силах он отвергнуть наслажденье,
чтоб перед Богом, милосердным, кротким,
смириться и стяжать душе прощенье.
Кто неустанно устремлен к богатству,
кто ненасытен в жадности и краже,
злопамятен в желаньях непомерных,
имеет ли он Бога, кто Мне скажет?
Что любит он Христа, и что имеет Духа,
и что Спасителя внутри себя воспринял?
Кто не взошел к Божественному свету,
такой христианина оскверняет имя.
Кто Всеблагого Бога в сердце не имеет,
как может безпорочно совершать служенье?
Как будет Господу творить он послушанье
и кто его наставит на смиренье?
Кто станет за него перед Христом ручаться?
Кто с Богом примирить его способен?
Кто чистоту души такому уготовит,
чтоб стал он Самому Христу подобен?
И потому, кто мир сей не оставит
и все, что в мире сем, он не возненавидит,
тот одного Христа всем сердцем не полюбит
и свет Божественный в себе он не увидит.
Кто ради Господа свою погубит душу
и каждый миг за Бога умирая,
тот будет о себе рыдать и плакать,
упавши ниц, душою всей стеная.
Влечение к Творцу единственно имея,
он Духа Божия внутрь сердца восприимет,
и легион страстей и помыслов бесовских
умом смиренным навсегда отринет,
чтоб с легкостью в молитвах подвизаться,
источник слез стяжав, достигнуть созерцанья,

стяжав Божественное сердца просвещенье,
безстрастье, святость, силу покаянья,
тот безпрепятственно взошел до откровенья
и постижение Отца имеет постоянно,
и в заповедях Божиих живет благоговейно,
пост и молитву держит непрестанно.
Но тем, кто целомудрия совсем не знают
и перечисленного совершенно не имея,
ни власть иметь над душами не должно,
ни домогаться сана иерея.
Ведь совершение подобных злодеяний
страшней убийства, блудодействия хуже,
он дерзко согрешает против Бога,
кто с дьявольскими помыслами дружен.
Кто служит Богу, пусть живет по Слову:
воздержно, свято, в полном нестяжанье,
лишь нуждами, потребными для тела,
от Бога получая кров и пропитанье.
А все оставшееся – нищим, бедным,
то им, конечно, должно раздаваться.
Увы! Тот осужден навечно будет,
кто на церковном станет наживаться.
И кто из иереев, нынче, перед Спасом,
украсив душу, как невесту, богомолен?
И пусть хотя бы одного среди них укажут,
то, верьте, даже этим буду Я доволен!
Когда же к Богу кто-то станет близок,
законы Божии они надменно попирают
и, возводя напраслины, наветы,
его все, как злодея, изгоняют.
Людьми он отлучаем от собратьев,
но Бог его не мерою прославит –
за то, что пострадал в земных гоненьях,
Он в Царстве Истины его с Собой поставит.

Что Слово Божие вещает для монахов?
О внутреннем пусть будет их старанье,
тогда все внешнее для них пребудет чистым
и вожделенным станет покаянье.
А если вы о внутреннем забыли
и образ Божий внутри вас в забвеньи,
тогда, конечно, вы не станете богами,
а навлечете гнев и осужденье.
Гробам побеленным вы станете подобны,
и в них – костям, зловонным и гниющим,
иль фарисеям, что надуты злобой,
честь у святых и славу их крадущим.
Кто нынче в подвигах стремится подвизаться,
в постах и в жизни строгой, без желаний?
Кто, хоть один, аскезе умервщленья
всем сердцем предается среди рыданий?
Прекрасно все, когда ты сочетаешь
лишения с трезвением усердным,
с большим смирением и мудростью молитвы,
ко всем и каждому оставшись милосердным.
Без них что толку в ваших злостраданьях,
себя являя некими из древних?
Без покаянья тайного напрасна
гордыня ваша в тайниках душевных.
Предстаньте в мыслях чистыми пред Богом,
чтоб воссиял ум благом освященья,
чтоб стали вы едины со Мной, Словом,
народ священный, жаждущий Спасенья!
Придите поскорей к Владыке Спасу,
ко Мне придите, сбросив мира узы,
и всяких чувств обман возненавидьте,
избавив ум от мысленной обузы.

От корня зла – от эгоизма убегайте,
от похоти очей и брэнной плоти,
от гордости, от помышлений страстных,
от гибели в убийственной заботе.
Прими, народ Мой, все Мои святыни,
неизреченным благам приобщаясь,
оставь земное и взойди на Небо,
Моим блаженством щедро насыщаясь.
Тебя зову Я, чтобы жил ты вечно
и созерцаньем вечно наслаждался,
и благодатью со Отцом и Духом
в Божественной любви соединялся».

Часть вторая

Предисловие ко второй части

*Стой твердо,
как наковальня, по которой бьют.*

Святитель Игнатий Антиохийский

Как за одну ночь покошенная и истоптанная весенняя трава встает ежом и покрывается звездочками соцветий, так душа, созвучная поэтическому согласию слов, может воспрять всего лишь от одного малого стихотворения, которое, конечно, нельзя сравнить с молитвой, но нечто молитвенное обязательно содержится в подобного рода творческих созданиях богоподобного человеческого сердца: «Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к вещам духовным»*. Более того, оно мгновенно отвечает всякому даже еле слышимому проявлению любви, усиливает ее и само начинает откликаться и звучать любовью в полную силу, о чем вдохновенно сказал известный поэт: «Я сорвал цветок, и он завял. Я поймал мотылька, и он умер у меня на ладони. И тогда я понял – прикоснуться к Красоте можно только сердцем», так как всякий человек, имеющий живую душу – не безчувственный истукан, особенно если он живет в простоте душевной.

* Святитель Феофан Затворник.

Тем не менее наше сердце нуждается в том, чтобы его правильно направляли, а не давали поступать так, как ему заблагорассудится. Как говорил преподобный старец Паисий, солнечный луч отражается даже в выброшенной ржавой консервной банке, – так и Божественная любовь может неожиданно воссиять изнутри любого человека. Получается так, что скромное стихотворение, если оно не придуманное, а рожденное в духе, то есть содержит в себе хотя бы малую каплю благодати, становится хорошим посредником наших молитвенных воздыханий к Богу, когда затихает ум и оживает сердце человеческое. Надобно сказать, что стих стиху рознь, и уловить пустыми и не выстраданными словами, придуманными мирским умом, неуловимую сокровенную благодать, то есть «привлечь к себе любовь пространства», по слову другого поэта, – нелегкая задача. Это все равно что искать ветра в поле, как говорится: око видит, да зуб неймет, чтобы святая благодать смогла войти в убогое жилище нашей грешной души человеческой, поэтому ради достижения этой благословенной цели отдай ум Богу и прими дух.

Особенная нужда в хорошей поэзии зарождается в темные осенние ночи скорбей, когда душа, оставленная Божиим попущением, горько томится в уединении, подобно узнику в темнице, – признаемся в этом по собственному прошлому опыту. Понимаешь тогда, с великим сочувствием, тех, о которых сказано: у кого что болит, тот о том и говорит, или, иначе сказать, человек чешет голову там, где она чешется, когда такой страдалец, не имея сил удержать сердечную боль, передает ее выстрадавшему и пережитому стихотворению. Никому не сказать лучше, чем святитель Иоанн Златоуст: «По-настоящему нам не следовало бы

иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем».

Тем более это справедливо в отношении всякого рода поэтического духовного творчества. Однако бывает и так, что раскаяние, которое не вызывает у равнодушных людей большого сочувствия, в чьи каменные сердца никакая жалоба не просочится, донимает монаха острее мышиных зубов, но зато покаяние становится для него слаще меда в сотах, – и тогда в уединении как такое не доверить Богу, принеся Ему свое покаянное сердце? Покаянное чувство для такого сердца – это не слова, а именно та удивительная пауза между словами, в которой, собственно, и живет благодать самого покаяния. Потому что настоящее покаяние – это пребывание в тишине нашего духа, отдавшего себя Божественной любви и вызывающего к Богу: «Да будет воля Твоя!» Тот же благословенный счастливец, избегнувший мирских соблазнов, который сподобился Христовой любви и не двуличен, начинает жить на земле без всякого страха, ибо сказано в Святом Евангелии: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение» (1 Ин. 4:18). Если внутри тебя живет Христос, Который есть вечная любовь, может ли быть там место для печали и страха? Стихи о такой любви, не смешавшейся с мирским прахом и страхом, мы, как недостойные ее, приносим Тому, Кто более ее достоин, – Владыке и Утешителю души человеческой, помещая их во вторую часть этого скромного сборника.

МОЛИТВЫ ЛЮБВИ

*Через молитву мы входим
в общение с Безначальным Бытием.
Или иначе: жизнь Самосущего Бога
входит в нас.*

Архимандрит Софроний (Сахаров)

МОЛИТВЫ ПОКАЯНИЯ

1

Если ночью не придешь, Господь, утром увяну я, как луговая трава от весенних заморозков. Камнями искушений разбито глиняное сердце мое, и царапины скорбей остались на нем навсегда. Мимолетные утешения не радуют душу, когда Тебя нет со мною, и красота лиц безжизненна для меня. Разве могу я принять красоту человеческую за животворящий и благодатный союз с Тобою, Христе? Каюсь я и глубоко раскаиваюсь: земные радости уловили душу мою, ибо я – человек грешный. Ныне дано мне терпкое, словно отвар степной полыни, лекарство покаяния. Верю, что им исцелюсь и оживу по милости Твоей, Боже, чтобы ходить в непорочности сердца пред лицом Твоим!

Словами живу милосердными,
Что Бог покаяние любит.
Мы все рождены в Нем бессмертными,
Земные обычные люди.

Чем старше мы и мудрее,
Тем глубже мы прячем стенания.
И тем беспощадно острее
Скупые переживания.
Господь, не введи в искушения
Мою омертвелую душу.
Пусть встанут стеной помышления –
Я не отступлю и не струшу.
От радости светлой немея,
Тебе принесу покаяние.
Но, грешный, узреть ли сумею
Твое, о Господь мой, сияние?

2

Ночами раскаяние горше, а покаяние крепче, о Господи! Горьким дымом пожара душевного не обманусь я более, Боже, издали приняв его за сладкие облака мирских утешений. Погребение души моей в греховный ров уже состоялось, и лишь я один – тому причина. Взываю к Тебе из тесных глубин покаяния: услышь и помилуй меня, Христе! Когда всего одна капля из туч благодати Твоей прольется в мое истомленное сердце, каким неожиданно близким становится небо, бездонное небо милосердия Твоего, Иисусе! Да славят уста мои великое и страшное имя Твое: свято оно!

Мне говорит мое чутье,
Сводя меня с ума:
Я – глина, пепел, прах, гнилье
Или слепая тьма.
Но горше дум души нытье,
Всем помыслам под стать,

Как я, подобие Твое,
Могу Тобою стать?
Я падаю и вновь встаю
На грани бытия:
Жизнь бесконечную Твою
Как мне вместить в себя?

3

Будь я дружен с кротким голубем Духа Святого, умолил бы Его отправиться на поиски Христа, чтобы знать, куда Владыка скрылся из моего сердца. Будь я вспомнят Отцом Небесным, умолил бы Его вернуть Сына Божия в душу мою, дабы не гнушался Он язвами ее. Увы мне, грешному, нет за меня поручителя, кроме дарованного мне покаяния! На него уповая, не дерзаю я поднять очи свои, наполненные слезами, в Небесную высь: солнце святости ослепит их, омраченных грехом. Лишь уста мои, откликаясь сердечному томлению, твердят неустанно: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!», дабы Ты оживил меня и душа моя восхваляла Тебя не умолкая!

Кроткий голубь Небесного Духа
Обновляет крылами простор.
Я безсилен спастись от недуга,
О котором молюсь до сих пор.
Обнови меня новою жизнью
И останься в ней неповторим
Каждым вздохом и каждою мыслью
Внутрь сердца дыханьем своим.
Ты не можешь ни в чем повториться,
Взяв меня в свой крылатый полет.
Сердце будет восторженно биться,
Если только в тот миг не умрет.

4

Если еще жив буду я, непременно вернусь к Тебе, Боже. Безмерно устало сердце мое от бесплодных раздумий. Забыло оно, что Ты в нем сокрыт сокровенно, Утешитель безпросветной жизни моей! Лишь там я смогу любоваться прекрасным Ликом Твоим, источающим благодать, отраду и милость великой Любви. Коль совсем не придется мне лицезреть Тебя, Христе, усыпи меня вечным сном без сновидений, чтобы в нем я исчез навсегда, недостойный видеть красоту Божества Твоего, Иисусе. Но, верю, и там мое сердце будет взывать непрестанно среди вечного мрака: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Не будь же безмолвен для меня: ибо надеюсь, что вскоре увижу благодать Твою на земле живых, всем сердцем любящих Тебя!

Я не знаю, что лучше, что больше,
Стать собой иль уйти от себя?
Но гораздо более и горше,
Если Бог мой вдали от меня.
Даровал Ты мне счастья немало,
Чтоб я верил Твоим чудесам.
Мне Тебя никогда не хватало,
А несчастий добавил я сам.
И отраднее мне год от года
Умолять Тебя день ото дня,
Чтобы духу открылась свобода:
Сыне Божий, помилуй меня!

5

Поднимусь ли я на высокую гору – увижу лишь опустевшее небо сердца моего. Опущусь ли

в глубокое ущелье – лишь тяжелые думы, словно сырой туман, окружают меня. Фаворское светлое облако благодати растаяло в дымке моей печали, лишив душу Твоего святого Преображения, Господи. Иссох язык мой и истаял в гортани моей, взывая к Тебе, Боже, в покаянных молитвах. Очи мои, как безводная пустыня, остались без слез. Но кроткий глас прощения Твоего слышит сердце мое: «Истинно говорю тебе: кающаяся душа услышана будет, чтобы восклицать в веселии: “Хорошо нам с Тобою, Господи, здесь, на горе сей, горе Богоявления Твоего, в глубине сердца человеческого!”»

Подъемлюсь на края небес
К вершинам облачным, нездешним.
Касаюсь сердцем безутешным
Их неожиданных чудес.
Услышан буду ли Тобой
Здесь, где прозрачное светило
Стоит почти над головой,
Где сердце Бога полюбило?
Жить в целомудренной любви
Душа моя вновь захотела.
И тень на жалобы мои
Как безучастная смотрела.
Дымился огненный поток,
Закатом пламенным играя.
И в сердце вдруг родился Бог
И вместе с Ним – душа живая.

6

Ромашки расцвели у порога кельи, как в безгрешном детстве моем. Васильками луга запест-

рели, как в безгрешном детстве моем. Снова ласточки ладят гнездо под кровлей, напоминая мне о безгрешном детстве моем. Боже, мир, сотворенный Тобою, славит Тебя, а мне служит живым укором, что погубил я безгрешную чистоту своей души, отдав ее на расхищение лживым мечтаниям и глупым мысленным обольщениям. Поистине, Господь знает, что помышления человеческие суетны! Но, видно, не совсем еще умерло сердце мое, напоминая мне о безгрешных днях чистого детства моего, когда я был неразлучен с Тобою. Молю Тебя, Боже: призри на покаянную молитву беспомощного создания Твоего и не отринь покаяния его!

Ромашки жаждут небосвода,
Как сердце – Бога моего.
О вещая моя свобода,
О сердце, пьющее ее!
Безгрешный полдень славит Бога,
Роняя к западу лучи.
Тебя повсюду очень много,
Когда душа в Тебе молчит.
И это вещее молчанье
Пусть станет голосом Твоим
И непреложным обещаьем
Слиянья в свете нам двоим.

7

Вхожу я в храмы Твои, Боже, и от их благолепия на краткое время забываю о горе своем – пожизненном покаянии в грехах. Всего лишь на краткий миг кажется мне, будто не терял я, заблудший, чистоту души своей, подобно святым и преподобным Твоим. Но вижу с икон их строгие взоры и ударяю себя в грудь, слыша укоры

совести: не место тебе здесь, грешник, среди праведников Божиих! Но разве найду я такое место, где нет Тебя, Господи? Если даже я лягу на пороге всех православных церквей, чтобы просить прощения у каждого верующего, то и тогда не искуплю всех грехов своих. Господи Иисусе, лишь одно милосердие Твое всеильно освободит меня от гнета моих прегрешений. На Тебя уповая, молюсь Тебе снова и снова в надежде обрести прощение грехов и стать другим человеком, в чьем сердце живет Твоя благодать, ибо обновляется, подобно орлу, юность кающейся и осуждающей себя души!

Это правда, что святые живы.
В том краю, где вечно жив Господь,
Никогда трепещущие ивы
Не уронят лиственную плоть.
Не дождется там земля сырая
Нас с тобой навеки схоронить.
Если я сегодня умираю,
Значит, завтра снова буду жить.
Мы войдем в бессмертную обитель,
Не закроем за собою дверь.
Полюбите, люди, полюбите
Покаяние – спасительную цель.

8

Заканчивается жизнь моя, как масло в лампаде, а грехам моим не видно конца. Запасен елей у меня в достатке, но тревожна душа: есть ли у нее в запасе благодать и время для покаяния, хотя бы на год или два? Поистине, руками ухватился за небо, а ногами все еще стою на земле. Верую, что однажды сердечное покаяние соединит в душе

моей небо и землю, когда Ты помилуешь меня, Боже. Небо созерцания – Господу, а землю покаяния Он дал сынам человеческим!

Лампада погасла.
Грехи сожжены.
Одно мне не ясно:
Чем люди ценны?
Чем ценен обычный
Из детства рассвет
И полдень привычный,
Где времени нет?
И цельность, и бренность
Души – не слова,
А в том ее ценность,
Что Богом жива.

9

Лежащему в болезни все видится иначе: тихое озерцо у кромки гор словно прилегло на моей груди, месяц в лесной чаще как будто отдыхает у моего изголовья и кажется, будто звездная ночь заблудилась рядом с одинокой кельей. Лишь из сердца устремлен прямо в небо чистый и ясный луч – неустанный зов покаянной молитвы. Господи, радуюсь я: Ты услышал голос мой, моление мое!

Соединивший горизонты,
Продли, Господь, внутри меня
Не помыслов безсчетных сонмы,
А свет Небесного огня.
Не после, нет, совсем не после,
Сейчас соедини мой миг,
Чтоб рядом быть, а лучше – возле
Твоей груди, как ученик.

Нас в беззащитности хранящий,
Пусть обретем себя взамен
Твой свет, внезапно приходящий,
Великих полный перемен.

10

«Боже, если только вырвусь я из опостылевшего суетного мира, каждый день буду стремиться к Тебе!» – так думалось в юности. Став монахом и поселившись в горах, все медлю полностью отречься от воспоминаний о мирской жизни. Помилуй меня, Христе мой, и приклони ко мне ухо Свое: буду призывать Тебя во все дни жизни моей!

Юности голос – что ты такое?
Совесть, ищущая чистоты.
В зрелости поздней слинянем с Тобою
Дал мне насытиться Ты.
Я отрешаюсь от воспоминаний,
Духом недвижим и нем.
Только бы не было в сердце мечтаний,
Чтоб Ты был мною и всем.

11

Монастырь справа, монастырь слева, гудят колокола – афонские монахи идут на службу. К моему стыду добавился стыд: к старости нет у меня ничего – ни сил, ни здоровья. Осталось только покаянно поклоняться Богу в духе и истине. В духе – не иметь в уме никаких мирских помышлений, в истине – все сердце отдать Христу, «ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36). Не мертвые восхвалят Господа, но живущие в Нем отныне и вовек!

Глубоко вдыхаю поднебесье,
Тихо выдыхаю суету.
Боже, Ты – моей свободы вестник,
Чтобы сердце отдал я Христу.
Поклоняюсь в истине и в духе,
Убегаю от людской молвы.
Говори нам, чьи сердца не глухи,
Не переставая о любви.
Мне мирских не нужно помышлений,
Пусть всю гудят колокола.
Царство Божие есть Царство откровений
Вечной истины, что в сердце ожила.

12

Ясные, словно капли дождя, молитвы мои. Услышь, Господь, их тихий голос, говорящий о неразделенной Любви к Тебе. В колючем кустарнике сердца моего не вижу певчей птицы благодати Твоей, Боже. Вода покаянного плача затопила пажити души моей. Я – одинокий странник Божественной вечности; веди меня к Правде Твоей! Избавит Господь душу кающуюся, и никто из уповающих на Него не погибнет!

Усмирись, непокорная плоть,
Место дай благодатному дню,
Чтобы смог я тебя побороть,
Дай родиться святому огню.
Словно искры живого дождя,
Словно радуги трепетный след,
Станет преображеньем тебя
Этот кроткий невидимый свет.

МОЛИТВЫ СКОРБИ

1

Скорблю о всех людях, Боже, которые ушли прежде меня в мир иной, ибо далеко разошлись наши пути. Но разве могут те, кого любит душа моя, покинуть пределы моего сердца, где обитаешь Ты, Господь и Бог Жизни моей? Помяни их всех в сердечном Царствии Твоем! Милость Господня от века и до века к любящим Его: благослови, душа моя, Господа!

Приникаю горестно к распятию,
Верность к Богу преданно храня.
Всех вручаю Твоему объятию,
Всех, о ком болит душа моя.
Помяни всех благодатной ласкою,
Доброту приемля их и труд.
Всей душой, земному непричастною,
Знаю: в Боге все они живут.
К Небесам молитва неизменная –
Верный путь избавиться от зла,
Чтобы благодать Твоя смиренная
В сердце безпрепятственно вошла.

2

После лесного пожара зеленеющие сосны вновь радуют скорбную душу неистощимую тягою к жизни. Испепели так же, Пресвятой Господи, все мирские помыслы в уме моем, чтобы благодатные

побеги непрестанной молитвы веселили сердце нескудеющей благодатью Твоей, Христе! Блаженны творящие правду во всякое время, ибо они услышаны будут вскоре!

Не желаю никчемных богатств,
Не хочу в этом «я» вековать,
Если в сердце просторней пространств –
Нескудеющая благодать.
Утихает пожар неземной,
Прорастает Небесный побег.
И мне слышно, как дышит покой,
Как растет изнутри человек.

3

Как быстро блекнут все радости мира, когда я не вижу Тебя, о Христе, посреди вселенной сердца моего, словно из него навеки ушла пресветлая заря Твоей благодати! Разве есть смысл в долгих днях одинокой жизни, когда Ты не приходишь в душу мою? Ум мой стал подобен нежилой комнате, полной паутины помыслов, когда ее покинул жилец – Дух Святой. Счастливые дни истощились, словно капли улетевшего за горизонт весеннего облака. Безконечный ветер помышлений все кружит и кружит возле сердца, наметая в него зимний снег нескончаемых скорбей. Вспомни обо мне, Господи, обогрей скорбящую душу теплом негасимой Любви Твоей!

Поблекли радости, рельефней скорби,
Пресветлый Дух желаннее мечты.
В сравненье с Ним как суетны все споры,
В сопоставленьи с Ним – теории пусты.

За буквами ищи безмолвное начало,
Молчание, возникшее из строк,
Которому и всей вселенной мало,
Ведь в нем живет непостижимый Бог.

4

Когда люблюсь я простым цветком на лугу, забываю немного о скорби. О, как не хочется возвращаться в скорбное сердце мое, опустевшее без благодати Твоей, Владыко! Однако и в нем, омертвевшем, все еще теплится жизнь еле слышной молитвы: как заждалось мое сердце любимого Иисуса! Поспеши, Боже мой, не оставляй же меня так долго без доброты Твоей, как землю, вспаханную, но оставленную без зерна! Пошлешь Дух Твой – и созиждется сердце и обновится лицо души!

Каждый цветок – это Божия милость,
Каждая ветка – святое забвение.
Словно душа вдруг взяла и вселилась
В каждое стихотворение.
Бога и сердца соединение –
Знак завершения сомнения.
Духа и света возникновение –
Знак совершенный спасения.

5

Сплелись по ночам мои рыдания с голосом далекой кукушки – предсказательницы долгих лет жизни. Однако неведома ей моя скорбь, поглотившая сердце, в котором истоцилась благодать Господня. Напрасно тонкий месяц заглядывает в келью моей опустевшей души – там один лишь

скорбный плач. Сердце мое оставило меня: подлинно, совершенная суета всякий человек живущий. Спаси меня, Господи, от меня самого!

Сокровенные рыдания –
Мне защита от скорбей
В нисхождении дыхания
Красоты, Господь, Твоей.
Слово, преданно хранимое,
От безумцев я таю.
Счастье неисповедимое
Всем скорбящим раздаю.
Вновь без счету многолетие,
Мне кукушка прорекла.
Но в душе сквозит отметина –
Та, что скорбь во мне прожгла.

6

Разве земные пейзажи могут тронуть сердце, возжелавшее Возлюбленного Иисуса? Ведь благолепие Его Лица затмевает все картины земные, и потому горькие рыдания поселились в сердце моем: жажду и алчу лишь Истины Твоей, Боже! Душа моя в скорби, словно путник, попавший в снежную бурю, не знает покоя, не видя света милости Твоей. Начало премудрости – страх Господень: разум верный у всех, исполняющих заповеди Твои!

Скорби земные грозны
Тем, кто живет осторожно.
Жителям вечной страны
Страхами жить невозможно.
Кто скрыл свободу мою?
Ширится в ней благодать.

Как я над ней ни корплю,
Трудно ее разгадать.
В радости – воля Твоя,
В скорби – мое помышленье.
Нет, не хочу, чтобы я
В «я» потерял бы спасенье.

7

Как зимний вихрь легко валит вековые деревья, так и вихрь скорби свалил душу мою на самое дно безконечной пропасти отчаяния. Летят и летят горькие помыслы – листья скорбящей души, сорванные им. Не будь безмолвен к слезам моим, Боже! Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою!

Препоручаю все свои заботы
И помыслов тюрьму,
Все узости и всей души широты
Лишь Богу одному.
Пусть вихрь валит вековые липы,
Пускай летят багряные листья.
Блажен, кто чашу этой скорби выпил
И стал любовью, Господи, как Ты!

8

Золотой цвет благодати далеко унес из сердца безжалостный ветер отчаяния, недаром он так похож на ночного вора. Обогрей меня, Боже, в зимнюю стужу моих невзгод. Сгибаясь до земли от резкого ветра искушений, молюсь Тебе, Господи, на пустынном перекрестке упований моих. Устами моими буду славить Бога и среди множества скорбей прославлять Его!

Не застуди мою душу скорбью,
О милосердный Боже!
А лучше согрей любовью
И милосердием тоже.
Сгибаюсь в смирении до земли
От зимнего ветра скорбей.
Я славлю Тебя в безконечной любви,
В сладчайшей любви Твоей!

9

Как щемит мое сердце, ибо Ты надолго оставил его, Господь: неужто навсегда? Ломает и валит меня нескончаемая скорбь моя, словно сухой камыш осенняя буря. Душа окрасилась густо кровью безутешного отчаяния, а раньше я полагал, что она совершенно невидима и ко всему безучастна. Но осталась в ней надежда на скорую весну встречи с Тобой, когда все ее просторы станут подобны голубому небу Твоей благодати, Иисусе. Помяни и меня, грешного, в дивном Царстве Твоем! Готово принять Тебя сердце мое, – Боже, услышь меня!

Слушаю: сердце от скорби щемит
До безразличия – гром или тишь.
Каждая скорбь, где я плачу навзрыд,
Валит меня, как сухой камыш.
Я умираю и все-таки жив,
Жду Твой приход не дождусь.
Как бы я ни был свободолюбив,
Верую, что докричусь.
Хватит ли в сердце на это сил?
Духом хочу одного –

Бога Распятого я полюбил,
Мне Он роднее всего.
Небо небес благодати полно,
С верой принять я готов
В душу – Евангельских истин зерно,
В сердце – Христову любовь.

10

Полагаю, что нет никакой необходимости, Боже, в муках ада: люди готовы мучить друг друга больше всех адских мук. Но горше всего – мучение сердца, утратившего Тебя, – что ему адский огонь? Ведь пламя скорби по Тебе не погасить никому, кроме милости Твоей, Иисусе! Ибо за грехи мои подвергаюсь я поруганию, и нет исцеления сердцу моему. Разное говорят обо мне люди, но я желаю слушать лишь голос Твой: «Прощаются тебе грехи твои, ибо Ты возлюбил много Царство Мое, которое не от мира сего!»

Что может быть горше
Мучений души?
Ни адский огонь,
Ни молитва ханжи.
Одна лишь любовь
Для нее утешенье.
А прочее? Прочее –
Только мученье.

11

Слишком много скорбей от бесконечной возни с этим миром: отдаешь силы, здоровье и жизнь, а получаешь заботы, болезни и смерть. То ли дело

68

молитва – в ответ на каждое ее слово Господь отвечает: «Прощаются тебе грехи твои, чадо Мое!» – и тут же дает море благодати, ибо ходящих в непорочности Он не лишает благ!

Мы себя наполняем, поверьте,
Не заботами даже, а смертью.
Но скажу, никому в укоризну,
Лишь Христос полон благодатной жизнью.
Не хочу наполняться вознею,
Ни обидами и ни грызнею.
Коротка жизни хрупкая линия,
Не от скорби, а от уныния.
От уныния некуда деться,
Ухожу от него в свое сердце.
Пусть мало оно, но тем не менее
Даже Бога вместит и спасение.

12

Да не услышу от Тебя, Боже, никогда слова «поздно», когда поздно стяжать добродетели, когда поздно обретаешь молитву, когда поздно созерцать Господа. Разве есть еще более тяжкие скорби, чем эти? Строго наказал меня Господь, скрывшись из сердца моего, но смерти не предал меня!

О нет, не поздно
Богу каяться.
Не поздно плакать,
Чтоб исправиться.
Не поздно попросить
Прощение.
Лишь поздно побеждать
Сомнение.

69

Оно внутри нас
И снаружи.
Лишь только Ты нам,
Боже, нужен.
Пусть я рождаюсь
В тишине,
В которой Ты живешь
Во мне.

13

От скорби до скорби – один только шаг, а от радости до радости – годы и годы. От прежней юности остался лишь голос: согнули скорби тело мое, но душой не поддаюсь им нисколько. Благодать Твоя, Боже, выпрямляет меня и наполняет душу силой прежних лет. Сердце и плоть моя восторгаются к Богу Живому!

От горя до радости –
Годы и годы.
От скорби до благодати
Только невзгоды.
От скорби до скорби –
Один только враг.
А в сердце до Бога –
Один только шаг.

14

На ногах – пыль мира, за плечами – ноша душевной скорби, а в сердце песня дорог – молитва. Но даже в скорбях есть удача: сегодня снова почувствовал радость непрестанной молитвы – словно запели в груди сотни небесных струн, несказанно звуча Именем Твоим, Сладчайший Иисусе! Глас

70

радости и Спасения в сердцах молящихся: десница Господня творит благодать!

Скорбь твою разделить
Может только лишь друг,
Кто умеет дружить
Без скорбей и разлук.
Кто бессмертен? Ответь.
Тот, кто смерть одолел.
Но пройти через смерть,
Лишь Господь наш сумел.
Окупись в Его Дух,
Освятившись огнем.
Он – единственный Друг,
Тот, Кто в сердце твоём.

15

Во тьме ночи гложет надежда, словно эхо в глухом лесу. Подобно тому, как воронье сбивается в стаю от холодов, так помыслы омрачают ум и сердце во время скорби. И только молитва становится все шире и ярче, как восходящая над лесом утренняя заря. Благословенно такое сокровенное делание Господом, сотворившим душу и сердце для Спасения!

Во тьме ночной надежда гложет,
И вкус смирения – лишь плач.
А на ветвях лениво мокнет
Кленовых рощ живой кумач.
И только сердце жарче, ярче,
Не смей его остановить,
Прозрев еще сильнее и зрячей
В непознаваемость любви.

71

Тот, кто не вкусил сполна всю горечь скорби, пренебрежительно говорит о ней, наивно надеясь избавиться от нее своими силами. А тот, кто познал ее истинный вкус – вкус смирения, склоняется до земли, и лишь слезный плач становится языком молитвы. Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни!

Причащаюсь я скорбной горечи,
Становясь в бесконечную очередь.
Не скажу о ней пренебрежительно:
То, что я еще жив, – удивительно.
Удивляюсь душевной прозрачности
В благодатной неоднозначности.
И за гранью живя одиночества,
Слышу тихие в сердце пророчества:
Молчаливость души и безмолвие,
Радость духа и немногословие.
Но важнее, чем то или это –
В сердце вспышки нетленного света.

Иволги в садах, стрижи над лугами, люди в полях – все заняты летними хлопотами. Молодым парнем не хотел я все растратить жизнь, а мечтал лишь отрешенно странствовать с посохом в руке и с Именем Иисуса в горячем сердце. А теперь не хватает сил даже глянуть в ту сторону, где живут святые отшельники. Скорбно, Господи, быть разлученным с Тобой земными грехами. Блаженны, Боже, живущие безмятежно в благодати Твоей!

Как образы жизни вокруг многолики,
И Бога черты в них – равновелики.
Лишь тихость ума постигает сполна
Что – святость души, а что – прелесть одна.
Стрижи над лугами – свобода.
Опушка в тумане – природа.
Работник на мельнице – мельник.
Бродяга в горах – отшельник.
Муж с посохом – горестный странник.
Кто с правдою в сердце – изгнанник.
Колпак дурака – пересмешник.
А сердце в грехах – я, Твой грешник.

Кто счастлив из людей? Лишь тот, душе которого Господь открыл Свои объятия! Он объял его со всех сторон. А кто несчастлив? Кто уцепился душой за вещи мира сего, сотканые из паутины человеческих помышлений. Они опутали человека, лишив его всех душевных сил. Господь – сила моя и молитва: Он сделался моим Спасением!

Кто из людей несчастлив? –
Кто более всех незадачлив.
Кто стал безнадежным плутом? –
Кто мыслями ум свой опутал.
Кто счастлив из прочих людей? –
В чьем сердце не сыщешь скорбей.
Кто счастье в скорбях ощутил? –
Кто душу Христу подарил.

МОЛИТВЫ РАЗДЕЛЕННОСТИ

1

Обуревают помыслы меня: еще вчера Ты, Господи, был со мною, а нынче холод оставленности проник в мою осиротевшую душу. От дурных помышлений замутился родник моего сердца и исчезло в нем отражение сияющего Лица Твоего. Неутоленный, вновь Тебя я утратил: жизнь моя отделилась от меня, как яблоневый цвет от ветки. Доколе, скажите мне, длиться разделенности нашей? О Господь мой и Бог мой, просвети тьму мою! Ибо Ты насыщаешь душу жаждущую и душу алчущую просвещаешь благодатью!

Душу жаждущую, алчущую
Просвети во мне, Христос.
Ничего в себе не значущую,
Тонущую в море слез.
По Тебе всегда скучающую
В безпредельности дорог.
Ничего о том не знающую,
Как о ней скучает Бог.
В этой неопределенности
Не завидую судьбе.
Жить непросто в разделенности,
Лишь бы Ты сиял во мне.

2

Святая молитва Иисусова – залог свидания с Тобою, Господи. Она кротко зовет меня домой,

ведь родина ее в том сердце, которое всегда открыто для Христа, извечного Владыки телесного храма человеческого. Нет, не забыл Ты меня, Человеколюбче, того, кто неоднократно забывает о Тебе. Увижу ли опять Тебя, чудесного и светозарного Спасителя, в душе моей? Поклоны до земли – моя безмолвная мольба, чтоб сократились дни и ночи этой безконечной печали. Когда-то каждый день Ты был со мною, теперь же и во сне Тебя не вижу. О, как тоскую я о том, когда снова повстречаюсь с Тобою, Иисусе! Изнемогают колена мои от поста, и тело мое лишилось крепости. Стоит всегда Господь одесную оставленного, чтобы спасти душу его!

Опять я жду, хриплю и каюсь.
Господь, мне скорбно в клевете.
Когда с Тобою повстречаюсь?
Здесь, на земле? Иль на кресте?
Телесный храм почти разрушен,
И безконечна лишь печаль.
Здесь воздух мира глух и душен,
Мой Бог, в горах меня встречай.
В людской толпе изнемогаю,
Мне тяжело от звука слов.
Тебя в душе своей встречаю
Как будто первую любовь.

3

О Боже, сердце мое, где Ты прежде сиял, как восходящая звезда, прошу Тебя, не оставляй, чтобы не умервила его гроза сомнений! Пусть покрылось оно помышлениями, как тлеющий уголь

пеплом, но Ты раздуй в нем огонь Любви благодатным дыханием Своего милосердия. Не ведаю, увижу ли когда-нибудь конец разделенности с Тобою, поэтому скорблю смертельно! Как человек, который ничего не чувствует, ибо сломлен горем, – таков я без Тебя, словно сухая лоза без сердцевины. Не удаляйся от меня, молю!

Восходит завтра звезда – это Ты!
Глухая грохочет гроза – это Ты!
А пепел сгоревшей души – это я.
И вздох безответной любви – это я.
Смертельным надломленный горем – мой ум.
И напрочь разгромленный в споре – мой ум.
А Дух в сердцевине всего бытия – Твой ответ.
Безмолвие, ставшее сутью меня, – Божий Свет.

4

Спаситель души моей, неужели колокольный звон долетит до слуха Твоего быстрее молитвы кающегося грешника? Ведь вместе с этим мелодичным звуком и сердце мое давно улетело к Тебе, Господи, растворяясь в бесконечных далях моей оставленности. Но там, где звон колокольный исчез, еще звучат мои мольбы к Тебе и будут звучать, пока я жив. Да будет Имя Господне благословенно отныне и до века! Поспеши на помощь мне, Боже, Спасение мое!

Когда я дозовусь до слуха Твоего?
Как будто в горле оборвался крик
Потерянного чада одного,
Который в суть спасения проник.

Ты растворился в глубине глубин
Тончайшего блаженства, всех любя.
Мы состоим из разных сердцевин:
Большая – Ты, а крохотная – я.
Немолчный зов мой, с сердцем улети
В края чудес, где день идет за год.
И если можешь, Ты меня прости,
Я знаю: дух мой все переживет.

5

Нет, не слабеет в душе моей надежда на долгожданное свидание с Тобою, Боже! Сердце, стесненное томлением, птицей рвется из груди Тебе навстречу. Так пусть же все оно отныне превратится в непрестанную молитву, которую ничто не сможет удержать, чтоб даже смерть, ее услышав, отшатнулась прочь! Ведь Имя Иисус – сладчайшая и непостижимая суть самой бессмертной жизни, которую Ты даровал всем ищущим Спасения в Тебе. Уже заранее оно трепещет, предвидя нашу встречу, Иисусе! За любовь мою к Тебе помышления враждуют на меня, а я молюсь Тебе, Господь, не уставая!

Сердце рвется из груди –
Смерть отшатнулась.
Ты меня не осуди,
О моя юность.
Не в лесу и не в полях –
Суть бессмертья.
Иисусе, Он и я –
Одно, поверьте.
От Него ни в чем, ни в ком
Не отделяюсь.
Им, как небом, целиком
Переполюсь.

6

Когда я был молодым, то столько не горевал, как сейчас, от долгой оставленности Тобою. А ныне мне неведомо, успею ли хоть раз еще увидеть Лик Твой, хотя бы лишь на миг. И слезы сами катятся из глаз... Должно быть, старость – это время плача для тех, кто, как и я, утратил Бога, не предвидя нисколько созревания горьких плодов греховной жизни. Как мне вернуть прошедшее? Лишь неустанным покаянием! Оно, я верю, непременно скоро приведет к соединению с Твоей святой Любовью, Спаситель и Защитник мой и вечная Святость сердца моего! Да познают все скорбящие, что это – Твоя спасающая благодать и что это Ты, Господи, соделал Спасение моей души!

Когда я молод был и свеж,
Дышал я воздухом надежд.
Хотя я все еще дышу,
Я плоть свою с трудом ношу.
Теперь молитва мне далась –
Слеза сама бежит из глаз.
И если прошлое – мираж,
Не жалко мне моих пропаж.
Не жалко прошлого исканья
И смутного в горах блужданья.
Теперь в Тебе нащупал твердь –
И стала призрачною смерть.

7

Когда Ты вновь воссияешь в сердце, Боже, прошлые дни разделенности покажутся мне страшным сном. Пусть ныне Ты высок, как летний небосвод, но даже он иной раз нисходит к грешным

людям прекрасной радугой. Когда я люблюсь ею, вспоминаю лишь одного Тебя, Иисусе! До самого прихода Твоего одет я буду в скорбь. Надеюсь, что она, хотя б на волосок, но сократит то расстояние, которое воздвигли между нами мои безсчетные грехи. Однако знаю, что милосердие Твое не ведет преград. Не только для того, чтобы утешить душу, но для того, чтобы спасти ее, приди ко мне, Господь! Душа моя Тебе открыта, Иисусе: она во век не поколеблется, ибо уповает на Тебя!

Высок, как летний небосвод,
К Тебе блаженный путь.
И по нему мой дух бредет,
Не смея вверх взглянуть.
Одетый в скорбь, стремится ввысь,
Хотя б на волосок.
Ведь для него движенье – жизнь,
А жизнь – идущий Бог.
Отыщет Он того, кто пал,
Кто лег ничком, без сил.
И потому Он рядом встал
С тем, кто Его любил.

8

В безграничном горном просторе хочу докричаться до самого неба: «Господи, только Ты и я на всем белом свете! Почему же сердце мое все еще не полно Тобой?» Знаю, какой ответ принесет мне Твой тихий глас: «Внимательно в сердце свое посмотри, откуда Я никогда не уходил, и найдешь Меня там, разве не так?» Так, Господи, лишь Ты – мое единственное счастье! К Тебе иду всю жизнь

по перевалам бесчисленных скорбей. Блажен человек, сила которого в Господе и у которого в сердце пути его всегда направлены к Нему!

Кричу безмолвно,
Глотая слезы:
Ты – в сердце рана,
Ты – в небе грозы.
Тебя увидеть –
Как умереть,
Потом воскреснуть
И вновь смотреть.

9

На что уходят дни и вечера разделенности с Тобою, Христе? На стоны, слезы и рыдания. Как в ночной темноте люди сильнее чувствуют свое одиночество и ищут друг в друге взаимной опоры, так ночами, Господь, в тысячу раз сильнее ощущается Твое отсутствие в душе моей! Тогда сердце безмолвно алчет и жаждет Тебя, чтобы наполниться Любовью, как пересохший колодец наполняется весенним ливнем. Лучше уповать на Господа, чем надеяться на человека!

С Тобою я не одинок.
Не трачу лишних фраз.
Пусть оступаюсь я, мой Бог,
Хоть сотни тысяч раз.
Опора Ты душе моей
И духу моему.
Дай благодать душе скорей,
Прозрение – уму.

80

Пусть бьется в берега прибой,
Пусть ветер стоголос,
Вхожу в Твой сладостный покой,
Не вытирая слез.

10

Хворому тяжело слышать детские голоса, а изможденному и усталому неприятны разговоры о дальних дорогах. Так разлучившемуся с Богом неприятны беседы о делах суетного мира и непрерывная покаянная молитва ему милее всего. Из тесноты скорбей воззвал я ко Господу, и услышал Он и на пространное место Божественного созерцания вывел меня!

На детский голос сердце откликается,
На голос старческий – душа.
И сердце живо потому, что кается,
Жив Бог, и ты, душа, жива.
Как злое бремя – суета усталому.
Как иго тяжкое – мышинная возня.
Достаточно лишь промежутку малому,
Чтоб Ты, Господь, вошел, как Бог, в меня.

11

Подсолнухи застыли в вечерних полях, опустив к земле литое золото шапок и ожидая первого луча утреннего солнца. Так душа моя терпеливо ждет прихода Твоего, Иисусе, окаменев в ночи своего ожидания. Да придут ко мне милости Твои, Господи: проникни, словно свет, в душу, возлюбившую Тебя!

81

Стынут подсолнухи в дальних полях
В золоте шапок литых.
Господи, дай насмотреться еще на Тебя
В сердце, где прячешься Ты.
В мире я робок и тороплив,
Многое мне не понять.
Знаю, что Ты, как никто, терпелив,
Сделаешь все за меня.
Сил не имею, оставшись один,
Камнем иду на дно.
В непонимании много причин,
И все же мы вместе – одно.

12

Чем чаще косят траву, рвут и режут ее, тем гуще она и тем зеленее. Чем больше искушения рвут и терзают сердце мое, тем чище оно и тем неудержимее тянется к Тебе, Иисусе, густея и зеленея листьями трепетных слов. Животвори меня Духом Твоим Святым, Боже!

Повсюду, куда всей душой ни стремись,
Мир тускл, безцветен, невзрачен.
Немая ли боль, немая ли мысль
Не могут Тебя обозначить.
Не важно, где гнезда пернатые вьют,
А то, что поют очень важно.
Возможно, они и меня отпоют,
Сочувствуя жизни бродяжной.
На свете уже ничего не хочу,
Твою увидав благодать.
И вот – до утра я стою и молчу,
И глаз не могу оторвать.

13

В черную рясу облачилась душа моя, Господи, страдающая от разделенности с Тобой. В черный клубок укрылась голова моя, изнемогая от помыслов, разлучивших меня с Тобой. Крест на моей груди напоминает мне постоянно, что Ты, Боже, пострадал на кресте ради меня, а я отделился от Тебя, соблазнившись плотью и земными утехами. Святая обитель монастырская напоминает мне, что приют мой единственный – у стоп Твоих, Иисусе, омытых священной кровью Твоей. Душа моя навечно припала к Твоему кресту и скорбит безутешно о разлучении с Тобой. Расселись камни сердца моего, и завеса ума моего разодрана вдвое из-за того, что Ты оставил меня, любимый мой, Господи Иисусе! Боящиеся Господа, уповайте на Него – Он наша помощь и защита!

Черные чащи, зеленые нивы,
Как же они без меня сиротливы.
Крест на груди – моя память о Боге,
Шрамы – то бегал малыш босоногий.
Купол церковный – как память о вере,
Кости больные – о жизни в пещере.
Вмиг истощились земные утехи:
Где же вы, слава, восторги, успехи?
Я припадаю в слезах к изголовью.
Чем же я жив? Лишь Твоею любовью.

МОЛИТВЫ СТРАНСТВИЙ

1

Там, где стоит моя келья, сколько долгих лет,
Господи, я неустанно шел к Тебе этой заброшен-
ной лесной тропой? Сто лет, тысячу, может быть,
больше? Не знаю. А все кажется, что на пальцах
моей руки еще даже не успели высохнуть школь-
ные чернила... Блаженны, Боже, не делающие без-
закония и ходящие путями Твоими!

Келья, горное безлюдье.
Сотни долгих лет.
Ничего уже не будет,
Только – тихий свет.
Он – безвременный, глубокий,
Сзади, впереди.
Одинокий и широкий,
Весь в моей груди.
Поднимаюсь, как из глуби,
Богу нет конца.
Он – единственный, Кто любит
В людях простеца.

2

Мгновенная вспышка в дороге ослепительной
молнии с раскатом весеннего грома милее все-
го моему сердцу: о Боже, если бы так вспыхнуло

в душе моей стремление к Спасению, пожигая всю
душевную скверну! Как верующему содержать
в чистоте путь свой? Хранением себя по слову
Твоему!

Ты – вспышка молнии, как вспышка благодати,
Всегда неожиданная и, как ни странно, кстати.
Как очищение земли от всякой скверны,
Когда сердца чисты, а души всех безсмертны.
Предстали вдруг отчетливо пределы
Души воскреснувшей, пробуждены и зрелы.
А после – перерыв безвременный, надолго.
И всюду тихо так, что даже сердце смолкло...

3

Обрушились невзгоды на меня: Тебя не нахо-
жу в сердце своем, Иисусе! Терплю скитания по-
мышлений моих, странствуя по горам и долам
неумирающей надежды моей на Спасение Твое.
Не страшна мне кончина в бурных водах горной
реки, ибо давно я утонул в безконечном потоке
безутешных слез. Громкие рыдания мои заглуша-
ют даже шум горных порогов. Пронизывающий
ветер скорби студит сердце, потерявшее покров
благодати Твоей, Боже. Не оставляй же меня на-
долго, ибо Ты извлекаешь скорбящего из бедствий
и умножаешь силу его!

Пусть обрушились невзгоды – не беда.
Если в сердце и во всем – полнота.
Не страшна мне и кончина в бурных водах,
Утонул давно я в собственных невзгодах.

На горах поют весь день водопады.
Кроме Бога, ничего от людей мне не надо.
Лишь расстанусь с Ним – растет притяжение,
А потом в Него, без конца – погружение.

4

На поиски Тебя, Господь, ушел я в непроходимые горы, а Ты вдруг оказался дальше самых далеких хребтов. Ища Тебя, я переплыл безкрайнюю пучину моря, но Ты по-прежнему отдалялся все больше, и вскоре между нами пролегло семь морей, как будто я совсем утратил Тебя. Но только я вздохнул, скорбя, Твой светлый Лик я обнаружил в своей душе, дивясь такой нежданной встрече! Издалека идя, к Тебе вернулся я, в глубины своего сердца: Ты, Боже, выпрямил заблудшие стези мои. Блаженны непорочные в пути, ходящие в безсмертных заповедях Бога моего!

Душа умеет оставаться одинокой,
И семь морей пройдя, останется глубокой.
Дойдут до цели те, кто кротки и смиренны,
Как непорочные в пути, они всегда блаженны.
И если кто-то не поймет – совсем не важно,
Ведь если истина дана, она дана отважным.

5

Тебя не в силах упрекать я, Боже, хотя безмерно изнурен и измучен скорбями скитаний. В последнюю минуту мне, безприютному, когда отчаяние повергло меня целиком, нечаянная радость окрылила душу: в молитве Ты прислал Свое утешение,

чтобы напомнить о Себе. Твоя благодать стала для меня доброй вестью, а сердце так умилилось, что слезы брызнули из глаз... Увы, я все еще в пути к Тебе. Буду ходить пред Лицом Господним на земле живых, тех, кто ожил Его святой благодатью!

Я одинок, забыт и грешен,
В молчаньи горном погребен.
Нечаянною радостью утешен
И благодатью воскрешен.
Пронизан насквозь звездопадом,
Чтоб в грозный безпредметный час
Я мог постигнуть эту радость,
Что Ты живешь, как радость, в нас.
Мы собираем фрагментарно
Все то, что Ты создал, как песнь.
И понимаем: жить отраднo
И просто быть, как Бог – Я есмь.

6

Каждую ночь – одинокий ночлег и каждый ночлег – молитва до рассвета. Сколько еще молитвенных бдений даруешь Ты мне, Возлюбленный Иисусе? На каком ночлеге захватит меня молитвенное созерцание? На каком молитвенном бдении воссияет в душе нетленный свет Твоих небес, Господи? На этих весенних холмах, где я устроился молиться, Ты – мой храм, Ты – мой алтарь, Ты – святилище мое, Сладчайший Иисусе! Когда приходит тишина ума и сердца и Твой величайший Божественный покой, тогда блаженнее вдвойне одинокому сердцу. Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?

У одинокого ночлега
Нет смысла думать о мирском.
Над головой сияет Вега
Своим мерцающим крылом.
Покой ума – свеча во храме,
Ведь сердце – благодатный храм.
Я причащаюсь здесь слезами
С молитвой сладкой пополам.
Без разговоров и без люда
Дух воедино со Христом.
Внутри огромнейшего чуда
Мы, как бессмертные, живем.

7

Владыко мой, не счесть ночей, проведенных с Тобой в непроходимых ущельях и пропастях земных, не исчислить дней бесконечных странствий по горным тропам с благодатью Твоею в обнимку, не перечислить всех крутых перевалов, которые мы, окутанные облаками, миновали с Тобой, где нашей неизменной спутницей была непрестанная молитва. Но все эти дни и ночи даже близко не приближаются к блаженным мгновениям единения с Тобою, Христе, – к священному безмолвию души, обретшей вечное пребывание в безпредельных просторах Святого Духа. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои – от слез и стопы мои – от преткновения!

Священным безмолвием я дорожу,
В обнимку живя с благодатью,
И в нем непрестанной молитвой служу
Пернатым друзьям и собратьям.

Но только приблизится сладостный миг
Явления кроткого Духа,
Я слышу, я вижу, как ум мой затих,
Внутри обостренного слуха.
И плотность предметов, смотри и дивись,
Пред Ним, без борьбы, отступает.
И внутренним зреньем безстрастную жизнь
Душа, просветляясь, постигает.

8

Когда однажды кто-то спросит обо мне, ответь ему, о ветер странствий моих, что путь его закончен на земле, что сердце его давно уже избрало Бога, чтоб пребывать с Ним, Единым, наедине. Ты расскажи спросившему, о горный чибис, об одинокой и горячей молитве странника, а мимо равнодушного ты пролети, не тронув его душу. Ведь странствия того, кто предал себя Богу, не имеют предела, как и сердце его, которое отринуло все воспоминания о мирской унылой жизни. И на прощанье расскажи всем любопытным, о поток в горах, сколь сладка и сколь блаженна благодать, унесшая все привязанности к миру! Молитва странствий – лишь для нищих духом. Великий Боже, не имеющий пристанища земного, Ты обрел вечное пристанище в душе человеческой, которую сотворил сущей не от мира сего, но для мира бесконечного, нескончаемого, неисследимого. Да святится в такой душе Имя Твое, да приидет в нее Царствие Твое, да будет воля Твоя в ней, как и на святых Твоих Небесах!

во сне сердце словно перебирает четки, молясь:
«Господи Иисусе, помилуй мя!» Прилепился ду-
шой к откровениям Твоим, Боже, не постыди меня!

Быть богом значит полюбить,
Как полюбил один лишь Он.
Я не могу Тебя забыть:
Ведь для любви и я рожден.
Любой из нас рожден для всех,
Душа, для всех живи.
Что значит святость? Что есть грех?
Нет отдыха в любви.

12

Теперь уже не для ног моих пути птичьих стай
и перевальные тропы мне, увы, не по плечу. Соста-
рившись, хочу умереть, как тот монах, чьи паль-
цы даже после смерти как будто тянули узелок за
узелком тех четок, с которыми он не расставался
ни на миг. Укажи мне, Господи, путь уставов Тво-
их, и я буду держаться его до конца!

Нет, не глаза – лишь сердце видит,
Все чувства в нем переплелись.
Не думал я, что к Богу выйдет
Оно одно, родившись в жизнь.
В далеких далях Дух Твой – рядом.
Я не теряю нашу связь,
С ней каждым вздохом, каждым взглядом
В Христе, как в небе, растворясь.
Я – человек, я мало знаю,
Господь все знает за меня.
Лишь облака и птичьи стаи
Расскажут вам, откуда я.

92

13

Всю жизнь иду вслед за солнцем. Изранены
ноги мои от дорог. Ночь провел без сна, утомле-
нию нет предела. Даже в дремоте спешат навстре-
чу бесконечные тропы. Однако есть и у меня вели-
кое благо в этой суетной жизни: изменила душу
мою дивным изменением Твоя благодатная сила,
Боже. Ты – мой последний жизненный перевал,
за которым сияет безбрежность Правды Твоей!

Здесь возвышеннее нет предмета,
Чем вершины заостренный гребень.
Но еще возвышенной, чем это, –
Полыхание зари в вечернем небе.
Вслед за солнцем по земле шагая,
В изменениях живу неосторожно,
И влечет меня уже судьба другая,
Где расстаться с Богом невозможно.
Оступаясь, вещи неживые
Отвыкаю трогать я руками,
Если рядом – горы, горы голубые
С несказанными их облаками...

14

Как странник в горах входит в пелену облаков
и его силуэт полностью исчезает в них, так сосре-
доточенный ум входит в непрестанную молитву
и растворяется в ней без следа. Это – от Господа
и дивно в очах наших!

В душе моей скопилась благодать,
Но как неуловим Твой образ.
Я приучаюсь также исчезать
С Тобой вовнутрь: за плоть, за ребра

93

Втекает в грудь святая красота,
Где ум в огне молитвы растворен.
И сердце вспыхивает, как звезда,
И свет его Тобой усыновлен.

15

Докучает пыль путнику, а помыслы – молитвеннику. С молитвой гораздо веселее идти к Богу, чем, сложа руки, горевать об ушедшей молодости. Надо ли об этом говорить подробно? Благодать – врата людям Божиим, праведные войдут в них!

Душа упала на колени:
Войди, Пресветлый Бог!
Ты – корень сладостных явлений,
Где дух не будет одинок.
В трудах с молитвой веселее,
Она – как верный друг.
И чем трудней и тяжелее,
Душа не сложит рук.
Ей долго горевать не стоит
О том, что брошено вовне.
Любовь! О, что это такое?
Преображение в огне...

16

Молодость ушла на дороги, зрелость – на перевалы, а старость – на молитву. Именно с нею, я верю, встречу Тебя, Господи, на своем последнем пути. Благословен грядущий во Имя Господне!

Молодость ушла за перевалы,
С нею зрелость скрылась заодно.

94

Первая – надежду повстречала,
А другая – то, что суждено.
Суждено с молитвой единенье,
Слитность с Духом до конца времен.
И в Тебе, Господь, отдохновенье,
Потому что я Тобой рожден.
Ты безмолствуешь, и мне понятно
То, что говорят наедине.
Говорю и я, но так невнятно,
Что пора безмолвствовать и мне.

17

Боже, из тысячи дорог единственная узкая стезя ведет к Тебе, словно узкий путь над пропастью смерти. Понять не могу, почему так мало людей идет Твоим путем Жизни. Остальных Господь оставил по упорству сердец их: пусть ходят по своим помышлениям. А я день за днем побуждаю душу мою подниматься ввысь, как поднимается каждый день нищий с одра своего, чтобы просить подаяния. О Господи, спаси же! О Господи, спешествуй же!

Боже Правый, как узка стезя,
По которой должен поспешать и я.
Та единственная, как она сурова!
Только дух мой не разочарован.
Жалко, что желающих здесь мало –
Со Христом идти до перевала.
Каждый день я душу понуждаю,
Пробуждаю сердце, пробуждаю.

18

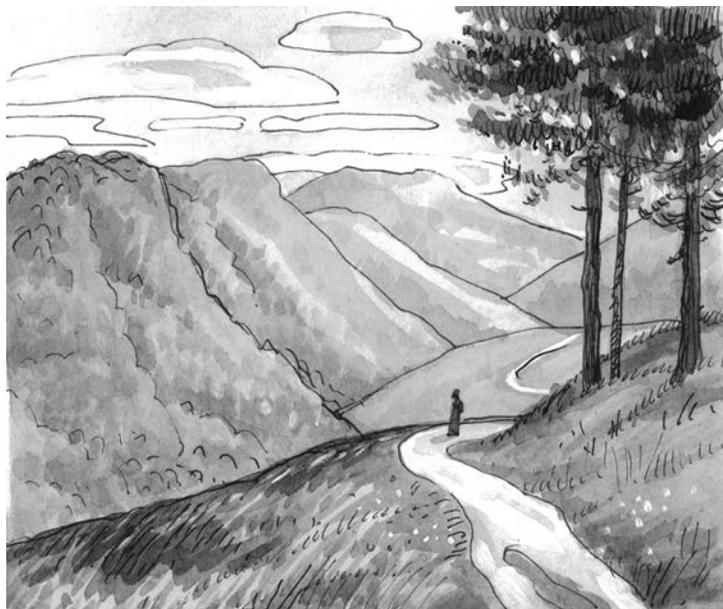
Сотни людей устремляются в горы, проходя их вдоль и поперек, но забрать их с собой никому

95

не дано. Только сердце мое забрали они, которым я молился на горных тропах моему Господу, забываясь в самозабвении от счастья молитвы! Заповеди Твои были песнями моими на путях странствий моих. Не забудь, душа моя, Господа и всех воздаяний Его!

Омываются горы дождями пролитыми,
Омываются души святыми молитвами.
Как же в сердце Небесное слово вмещается?
Как оно от любви в глубине разгорается?

Как надежда в нем крепнет и ширится?
Как оно со вселенною мирится?
Как само поет в самозабвении?
Понял это и я, только после уже, в завершении.

МОЛИТВЫ ЛЮБВИ

1

Коль придется еще пожить и мне, недостойному, Боже, – единственное, о чем стоило бы пожалеть в этой жизни, лишь одно: если бы в сердце не родилась неистощимая и нескончаемая любовь к Тебе, Христе мой, ради которой поистине живу и дышу, – это было бы действительно жаль! Блаженны, Господи, всем сердцем ищущие Тебя!

И живу, и дышу – разве смысл лишь в этом?
Об ином умолчу, не спешу я с ответом.
Плоть моя тяжела – оболочка из глины.
Только в Духе с Тобой мы навечно едины.
Боже, знай, внутрь нее вдруг протиснулась
тайна –

Неслучайная встреча, ведь любовь неслучайна.
Только с ней нелегко жить на полном просвете,
На Голгофе стоять, умудряться в Завете.
Только быть со Христом, Его сердцем обвив,
По ту сторону мира, на пределе любви.

2

Ночами, позабыв о себе, долго стою недвижим пред святою иконой Твоей, Христе, ощущая всей кожей дыхание безмолвных небес: душа моя ожидает Господа более, чем дрозды лесные весеннего утра. Благоговею пред Тобою, Иисусе!

Щедр и милостив Ты, долготерпелив и много-милостив, плодами благодати Твоей насыщается сердце!

Стою недвижно пред иконой
И слушаю дыхание небес.
Как мы давно с Тобой знакомы:
Христос воскрес! Христос воскрес!
Любая вещь отмечена печалью:
Но суть одна – Ты долготерпелив.
Я забываю о себе ночами,
И, может, потому еще я жив.
Любовь Твоя не связана с прощаньем,
Она взойдет к рассвету через тьму.
Спасение пусть будет обещаньем
Не мне, не мне, но духу моему.

3

Утратил я память о земных попечениях, Боже, когда воочию узрел пречистый Лик Твой! Ныне устремилось сердце мое к совершенной и незапятнанной чистоте Любви Твоей, словно горная река, не знающая пыли земной. Как Отец милует сына, так милует Господь любящих Его!

Живя вдали за рубежами
Пытливой собственной души,
Утратил я общение с вещами,
Которые в небытие ушли.
Любовь Твоя светла и совершенна,
Но для нее душа была мала.
Любовь в нее всмотрелась сокровенно
И вскоре незамеченной ушла.

И в миг ее неожиданного возврата
Я не хочу ее случайно расплескать.
Живи во мне с восхода до заката,
Любовь моя! А я... я буду лишь молчать.

4

После многих раздумий говорю себе с сокрушением: «Ни в горах, ни в пустынях, ни в пещерах нет никакой святости, грешник: если не принесешь ее с собой, то и нечего искать ее там!» Очисти же душу мою от беззакония моего, Святый Боже: да возрадуется пустыня сердца моего благодатному ливню Твоей Любви!

Молитвой обнимаю с гор
Весь, с вешним солнцем, кругозор.
В огне ее сердечное молчанье –
Благоговейно, как святое созерцанье.
Как светлый луч – из сердца напрямик,
Она восходит к Богу в тот же миг.
И постигает дух, в чем так святые правы,
Весь тихий Свет Его святейшей Славы.

5

В отрочестве своем подолгу следил я за привольным полетом жаворонков над степными курганами милой отчизны. Боже, сколько любви у этой малой птахи к синему небу, столько любви вложи в сердце мое, чтобы оно непрерывно восходило в Твои духовные Небеса в непрестанной молитве! Благослови, душа моя, Господа, и вся внуренность моя – святое имя Его!

У отрока слова порой невнятны,
Как песня жаворонка в горней синеве.
Но для Тебя мои моления понятны,
Ведь все они посвящены Тебе.
В Тебя я погружаюсь долгим взглядом,
Там нету дна, как в сердце нет границ.
Мне больше ничего уже не надо,
Как книге недописанных страниц.
И тишины святое полновластье
Останется надолго в нем одно.
Наверное, оно и будет счастье,
Которое безстрастием полно.

6

Пусть невелик горный поток, но течение его не-
удержимо, а вода его чиста и сладка, так в серд-
це у меня течет любовь к Тебе, Сладчайший Иису-
се! Как нелегко роднику пробиться через камни,
знает лишь он один, так и о том, что пережито в
любви, знает только лишь любящее сердце. Бла-
готвори, Господи, всем добрым и правым в серд-
цах своих, которые возлюбили Тебя навечно!

Весь день шумит в горах поток,
Во мне открытость ищет Бог.
С потоком сходство есть у нас:
Как перейти к делам от фраз?
Ему – найти сквозь скалы путь,
А мне – любовь в себя вдохнуть.
Ему – через завал пробиться,
А мне – в свободе пробудиться.
И знает он: крепка порода,
И знаю я, что Бог – свобода.

7

Как река в половодье затапливает берега, так
берега сердца моего не могут вместить всей люб-
ви, которую Ты даровал ему, Господи. Кто может
удержать ручей, падающий с крутого склона? Так
и я не могу удержать слез, льющихся из моих глаз.
Господи, услышь голос мой: в нем вся любовь
моя к Тебе!

Любовь – как реки в половодье,
Их берега не в силах удержать.
Любовь – как ветер в небосвод,
Где птицы учатся летать.
Нет разделения с любовью:
В ней только Ты и только я.
Нет разделения с Тобою:
Мой Бог, Ты весь – внутри меня.

8

Пламя костра опалает лишь лицо и руки, ког-
да сжигает сучья, подкладываемые в огонь. А пла-
мя Божественной Любви опалает сердце и сжига-
ет весь душевный хлам, подбрасываемый в душу
суетным миром. Помощь наша – в сладчайшем
Имени Господа Иисуса!

Любовь становится молитвой,
А сердце – пламенем костра.
Душа – звездой любопытной,
Дух – средоточием добра.
И это пламя беспощадно
Сжигает весь душевный хлам,
Преображая безоглядно
Плоть тела в богоносный храм.

Остатки суетного мира
Навеки оставляют дух.
Мы превращаемся незримо –
Господь и я – в одно из двух.

9

Как рыбаки днем и ночью тянут сети в море,
умножая свой улов, так и я тяну четки с молитвой
«Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а любовь
прибывает все больше и все обильнее. Как очи ре-
бенка устремлены к лику любимой матери, так
сердце мое тянется к Тебе, Боже!

В душе молитва – глас без звука,
И благодать – тому порука.
Рыбак я, мои четки – сети,
А рыба в них – любовь, одна на целом свете.
Обильней всех других уловов
В душе – Господь, блаженный мой улов.
И там, где умолкает даже слово,
С Тобой безмолвно говорит моя любовь.

10

Где бы ни шел монах, в горах или в поле, в лесу
или в городе, разве может он забыть о молитве?
Так и сердце мое, на рассвете или на закате, вес-
ной или осенью, никогда не может забыть о Люб-
ви Твоей, Боже! Возвожу очи мои к высотам серд-
ца моего, откуда придет помощь Твоя, Иисусе,
ибо Ты там обитаешь изначально, слава Тебе!

Монах языком нем,
А сердцем един со всем:
С горами и с полем,
С крестом колоколен,

102

С рассветом, с полуднем,
С ручьем изумрудным,
С равниной заречной,
С любовью предвечной,
С душою прекрасною и молодою
И самое главное, Боже, – с Тобюю.

11

Как под утро тучи надо мной, от края и до края,
окрасила густым пурпуром утренняя заря, так
и мятущаяся душа моя воссияла Божественной
Любовью, без края, без конца и без границ, слов-
но необъятный горный рассвет. Да пребудут мир
и любовь в душах человеческих, возлюбивших
Тебя, Иисусе!

Мятущийся ум успокоен.
Душа наконец-то узнала,
Что Бог бесконечно свободен,
И это немало, немало.
В Святая святых она вхожа,
Ей в свете Его непривычно.
Обожиться в нем она может,
И это – отлично, отлично.

12

Пусть встречи наши редки, о Боже, словно
нити в рыболовной сети, но, подобно крупной
рыбе, попавшей в нее, бьется в моей груди живи-
тельная Твоя Любовь! Она не даст поколебаться
душе моей, утвердившейся навеки в Твоей святой
благодати!

103

Бог – собеседник молчаливый,
Как Дух – Он безпредельно ясен.
Когда душа светла, правдива,
Тогда Он с ней во всем согласен.
Заката пламень в синь окутан,
Живительно, потусторонне.
И в Боге каждую минуту
Она становится свободней.
И то, что может с ней случиться, –
Спасительно, проникновенно.
Душа должна преобразиться,
И это будет несомненно.

13

Чем реже выглядывает зимнее солнце, тем толще лед на реке. Не так ли застывает и сердце мое, Боже, когда в нем не чувствую живительного тепла Твоего? Как слепой ощущает прикосновение солнечного луча, так душа моя оживает под прикосновением горячей Любви Твоей. Жажду безмерно Спасения Твоего, Господи, ведь благодать Твоя – прибежище и утешение мое!

Согласье Божие на вдохновение –
Как света к нам прикосновение.
И как слепец огня касается,
Так дух от света содрогается.
И распрямляется, и раскрывается,
И во Христе – преображается.

14

Как в горном озере всплывают затопленные деревья, сбиваясь в кучу, так помыслы сомнения

104

всплывают из сердечной глубины: а вдруг Ты позабыл меня, Господь, или отринул, словно иссохшую ветку, в которой не найти побега? О, пусть живет душа моя в Любви Твоей и вечно благодарит Тебя молитвами неумолкающего сердца моего!

В открывшихся далях блаженной страны
Просторы, как окна, растворены.
И в каждом окне – луч, возжженный Тобой.
Он делает душу горячей свечой.
Он делает сердце безплотным огнем,
А дух для любви – золотистым крылом.
И ум, затихая, глядит, изумлен,
Как тот, кто был плоть – просветлен и спасен?

15

Ничего на свете, даже собственной жизни не жаль, когда Ты вначале утетишь, Господь, а потом исчезаешь, оставив меня в одиночестве лютой печали, в одиночестве неутоленной Любви. Душа моя хранит откровения Твои, Боже, ибо возлюбила Тебя навеки!

Мне собственной жизни нисколько не жаль,
Когда Ты бессмертно, как вечность, безмерен.
Ведь я Тебя с детства, Господь, обожал,
Но Ты ли есть Он, все же не был уверен.
А после Ты стал откровенен со мной,
Тобой я наполнен, как в солнечном детстве.
И эта наполненность стала душой,
Чтоб мог я в Твой образ, как в небо, взглядеться.

105

Мирская любовь мелка, словно осенний ручей, засыпанный прелой листвой. А Твоя Любовь, Христе, подобна устью полноводной реки, в которую могут заходить даже океанские корабли. Язык мой возгласит слово Твое, ибо все заповеди Твои – Любовь, подобная безбрежному небу!

Мирская любовь – ты мелка, как ручей,
Связав мелочами движенье.
В любви к Божеству – никаких мелочей,
А только лишь проникновенье
Во всю безграничность Его бытия,
Где нет никакого усилья.
Лишь там, где отсутствует мелкое «я»,
Любви расправляются крылья.

Как в открытых угольных коях не утихает подземный пожар, так в сердце моем, ставшем открытой раной, не утихает пожар Любви к Тебе, Христе Боже! Семикратно в день прославляю Тебя за откровения дивной Любви Твоей!

Любовь ценна невероятно.
Пусть сотни раз на каждом дню
Я оступаюсь многократно –
Тебе, Господь, не изменю.
Любовь над сердцем полновластна.
Я на коленях предстою
И в тишине пред ней безгласно
Склоняю голову свою.

Я в ней мгновенно исцеляюсь.
Безмолствуя, до дна влюблюсь
В то, чем дышу и чем спасаюсь,
В святое имя – Иисус.

Как дождь обложной, не прекращаясь, шумит и шепчет весь день и всю ночь напролет, так слезный ливень, не переставая, орошает мое сердце, опаленное любовью к Тебе, Господь! Радуюсь я благодати Твоей, словно крестьянин, собравший обильный урожай!

Любовь – победа над земною болью,
Душе дано все победить:
В одном порыве стать любовью,
Чтоб никогда не разлюбить.
Стать молчаливым обещаьем,
Всю бесконечность ощутить
И жизнью всей, всем ожиданьем
С Твоей любовью сердце слить.

Красой девичьего лица увлекшись, соблазнил-ся я в помысле, Боже, и Ты покинул меня, унеся с Собой жизнь мою и любовь. С тех пор нет для меня ничего печальнее красоты женских лиц. Велик душевный мир у любящих закон Твой, к ним причисли и меня, Иисусе, об этом умоляю Тебя!

Свободным стать от грешной красоты,
Переплетенной с искушеньем,
Увидеть в сердце – всех прекрасней Ты,
Мой Бог, мой Друг, мое спасенье.

Хочу протиснуться сквозь тьму,
Без суеты, без сожалений.
О, дай простору моему
Принять покой Твоих явлений.
Вновь одухотворить Тобой
И распредметить созерцанье,
Войдя безбрежною душой
В любви святое покаянье.

20

Правду скажу, не страшась людских наветов и молвы: нет, от вечной Любви умереть невозможно! Христе, пока жива во мне душа моя, всегда в ней живет надежда на Твою святую благодать, ведь из этой благодати рождается нескончаемая жизнь, единая с Твоей бессмертной Жизнью. Грешен я и презрен, однако Любовь Твоя укрепляет меня в надежде Спасения!

Однажды приходит прозренье,
Как некая дивная весть,
Что в сердце возможно спасенье,
Не где-то, а именно ЗДЕСЬ.
Что встреча с Христом неизбежна,
Что времени нету в запас.
Не завтра, не после, конечно,
А именно – прямо СЕЙЧАС.

21

Как бы ни укрывался я от людей и как бы ни прятал свою любовь, но проницательный ценитель или простой ребенок без труда догадаются о ней: мои скорби все им поведают без всякой утай-

108

ки. Заступи возлюбившего Тебя всем сердцем, чтобы не угнетали его помыслы, ибо я уповаю на Тебя, Боже!

Поражения, как и победы
В жизни нашей – душевные шрамы.
Успокоиться значит изведать,
Что такое быть Бога сынами.
Суетливые мысли приглушит
Этот редкостный дар и рождение.
О, как ждут пробужденные души
Бога в сердце проникновение...

22

В мирской любви, что ни встреча – то новые тревоги и волнения, и только в Божественной Любви все наоборот: чем чаще встречи с Господом, тем больше в сердце величайшей тишины и блаженного покоя, которые не от мира сего. Предваряю утро и взываю: отвори душу мою для созерцания Твоего!

Что ни встреча – общенье бессрочно,
Твой приход предваряю смиреньем.
Невозможно влюбляться заочно,
Лишь глазами в глаза – единеньем.
Ты находишь меня, но бесчисленно
Нахожу я себя и теряю.
Пусть я буду с Тобой неисходно
И блаженство Твое постигаю.
В Боге цельным пространством напитаться,
Восходить в небеса непрестанно –
Это все, в чем хочу я трудиться
И любить, и любить неустанно.

109

23

Сердца мирских людей изменчивы в любви, как ветер в бурю. Сердца монахов, преданных молитве, стойки, словно маяки на скалах – не меркнет в них свет Любви к Возлюбленному Владыке, но разгорается все ярче, в ночи неведения сияет неугасимо всем людям. Близок Ты, Господи, и щедроты Твои утешают меня!

В любом мгновеньи ждать до срока,
А срок, ну что ж, на то он срок.
Душа не будет одинока
Когда в нее вселился Бог.
Сердца людей – как бурный ветер,
Любовь – маяк в безглазой тьме.
Расту в любимую на свете –
В любовь, растущую во мне.

24

В любви мирян искушений – что густой пыли, поднявшейся до небес. В монашеской верности Христу – чистота любви, в которой до мельчайших черт ясно отражается Божественное совершенство. Сотвори с любящим Тебя по милости Твоей, Господи, и благодатной Любви научи меня!

Одиноко, безмолвно скитаться –
Что ж, есть много на это причин,
Или с Богом единым остаться,
Посреди безконечных вершин.
Улетает мой ум то и дело
От беды в отдаленную даль.
В искушеньях душа онемела,
Словно ей своей жизни не жаль.

110

Смотрит сердце в высь неба, как в друга,
Неприметно рассеялся страх.
И тепло будет сердцу, покуда
Оно живо в Христовых руках.

25

Когда весной наступает ледоход на реке, опасно перебираться с берега на берег, а когда от молитвы тают и исчезают, словно зимние льдины, грехи у монаха, то совершенно безопасно переходит благодать от Господа в преданное Ему целомудренное сердце. Время Тебе, Господи, действовать: откройся въяве сердцу моему светом Твоей Истины!

Расплавается лед, истончается,
Мои скорби унес ледоход.
Мое небо в душе начинается
И уходит в другой небосвод
Разливается синь, расширяется,
С тихой болью вздымается грудь.
Непонятно мне, как называется
Этот болью отмеченный путь.
Занимается свет, разгорается,
Претворяется в благодать любви.
Приближается Бог, приближается
И вливается в недра мои.

26

Если внимательно прислушиваться к словам Иисусовой молитвы, ожившей в сердце, то каждое слово этого чудесного прошения словно пронизывает благодатью душу: еще, и еще, и еще, пока не станет неистоцимой Любовью... Откровения

111

Твои вразумляют простых сердцем: жажду обучиться простоте безсмертной Любви Твоей, Боже!

Безымянная пустошь прощается,
Красной веткой ложась на плечо.
А молитва моя не кончается
И еще, и еще, и еще.
Там, где пустошь лежит первозданная,
Звук случайный не будет забыт.
И молитва звучит непрестанная
В том, кто плачет о Боге навзрыд.
Расточается темь онемелая,
Прежних знаний окончился счет.
А молитва в душе неумелая
Все растет, и растет, и растет.

27

Призывно весной курлычут журавли, проносясь над кельей, словно они молятся в небе: «К Господу летим! К Господу!» – и сердце мое улетает за ними. Призри на меня и помилуй, как поступаешь с любящими имя Твое!

Покой – святая широта и высота
Над красотою вздыбленной земли,
Над абрисом далекого хребта,
Где, не смолкая, плачут журавли.
Безспорна истина для тонкого ума,
В сужденьях нет нужды на этой высоте.
И видится: свет истины и истина сама –
Утверждены на сердца чистоте.

28

Снизу доверху шелестит весенний лес, когда подует с моря освежающий ветер. Так и Ты,

112

Боже, Своей благодатью пробуждаешь меня со все большей любовью произносить святые слова любимой молитвы, рожденные благодатным доверием Твоей милости. Освети душу мою светом лица Твоего!

Души могучие крыла
Уравновешивают боль и смысл любви.
Без колебаний та любовь взяла
И понесла, без жалоб, все грехи мои.
Всецелой жизни постигаю суть –
Как Царство Божие, где невозможен тлен.
Кромешный мрак не может посягнуть
На вечный свет, чья суть без перемен.
И завершением неполноты вещей
Исчезнут между ними все границы.
И Бог благословит Своих детей
Всею благодатью любящей десницы.

29

Как плющ, что вьется вокруг ствола стройной сосны и поднимается с ней высоко в облака, так моя душа, Господи, сплелась с Тобой, чтобы вместе подняться в Твое священное Царство Божественной Любви. Из глаз моих текут потоки вод оттого, что без Тебя я так немощен, Господи!

Сплелась с Тобой, Господь, душа моя, как плющ.
И плоть моя как будто не отбрасывает тени.
А дух взошел вслед за Тобой до самых туч,
И там, за тучами, упал он на колени.
До Горних мест взойти мне не хватило сил,
И Ты повлек меня могущественной дланью.
Тебя я ни о чем при этом не спросил:
И не было конца великому молчанью.

113

Непонятно мне, Боже, почему так устроено в мире, что даже у того, кто в Тебя влюблен всем сердцем, непременно льются ручьем слезы из глаз? Укрепи меня по слову Твоему, и буду жить в Любви Твоей: не отринь меня в надежде моей!

Мы все, у Господа живущие в груди,
Не понимаем смысл озаренья.
Что значит миг? Что – вечность впереди?
И в чем безвыходность от Бога отпадения?
Когда бы сердце наше – с Божьим обнялось,
Движением одним чистосердечным,
Кому постичь бы это в духе удалось,
Тот стал бы богом, как и Бог, предвечным.

Когда смотрю на мир, Ты, Боже, кажешься далеким, как паутинка в осеннем небе. Когда же Ты появляешься в душе, мир представляется пустой выдумкой моего греховного ума. Вымыслы и учения человеческие не приемлю, ибо Ты – покров мой и щит мой, на Любовь Твою уповаю!

Не погружаюсь в мир, он, как пустыня, пуст.
Из сердца благодать течет, почти до самых уст.
Когда к земному привяжусь,
Душа нелепым вымыслам не рада.
А только лишь от мира откажусь,
Есть только Бог и никакого ада.

От легкого летнего дуновения улетело горное облако, что давало мне сладкую прохладу. Нет,

не хотел бы я, чтобы таким было сердце мое в искушениях, унося нашу Любовь, Христе. Душа моя непрестанно в руке Твоей, ибо Любви Твоей не забываю!

О сотворенье мира! – вот оно:
Ты только погляди в окно.
На ветке – капля дождевая,
Она, как мы с тобой, живая.
Омылась светом вся земля,
Где родились и ты, и я.
Бог жив, и мы с тобой живем,
И вся душа – огромный дом.
А то, что в жизни ни при чем,
Вдруг светлым вспыхнуло лучом.

За малый грех в душе Ты долго не приходишь, мой Господь. Иной раз в сердце помысл мелькнет: «Нет, невозможно столько ждать Тебя!» – и тогда душа моя тут же погружается в полное отчаяние и мрак, в которых Ты находишь меня, совершенно безутешного, Спасе. Сильно угнетен я помыслами, Господи, оживи меня Любовью Твоей!

О мир! Отчаянье и мрак,
Которым тешится чужак.
Лишь только помысл мелькнет,
Как все идет наоборот.
Напоминаю сердцу снова:
Любовь – она всему основа.
Она живет, как свет, во всех
И даже в том, кто любит грех.

Но лишь тогда любовь сильней,
Чем больше тянешься ты к ней.
Куда нам всем от скорби деться?
Внутри, туда, где Бог, где сердце.

34

Ночь за ночью Ты приходишь ко Мне, Христе, при первых же словах ночной молитвы. Но когда однажды утром не появился Ты, мне показались прежние долгие ночи наших встреч всего лишь коротким сном о нашей Любви. Святая Любовь Твоя – светильник очам моим и свет на пути Спасения моего!

Все «почему» оставлены за дверью.
И ночь за ночью – лишь короткий сон.
Кто Бога любит? Тот, кто Ему верит.
А тот, кто любит, тот уже спасен.
О Боге знаний никогда не будет много,
Но знанье – в голове, а вся любовь – у Бога.
Сегодня сердце точно во хмелю,
Оно поет: люблю Его, люблю!

35

Мне не за что укорять Тебя, Иисусе, но, когда Ты нескоро являешь Свою благодать, остывшее пламя непрестанной молитвы само становится моим немым укором. Поэтому не приемлю всякий путь лжи своего ума: куда он пойдет без Тебя, Господи? Вразуми меня!

Бреду по синему раздолью
Со всей тоской, со всею болью.

116

С остывшим пламенем в душе
и отгоревшим взором,
Сама молитва для меня звучит
немым укором.
С душой, оставленной Тобою,
как мне искать спасенья?
Сначала дай мне, Боже, каплю разуменья!

36

Как постичь Тебя, Боже, ограниченному моему уму? Иногда Ты – словно вечерний закат, медленно потухающий в моем сердце, и тогда полная тьма объемлет его. Иногда Ты – как майская утренняя заря, разливающаяся в душе все шире и шире, так что приходится даже смежить глаза. Как сладки сердцу моему откровения Любви Твоей, Боже, лучше меда благодать Твоя душе моей!

Смотрю на медленный закат,
В закате Бог, я Богу рад.
Закат ли будет иль восход,
В груди, как солнце, Бог встает.
Мой ум – и слеп, и ограничен,
А дух, став светом, – безграничен.

37

Есть в этом скорбном мире один удивительный цветок, который никогда не вянет. Не видимый людям, он не подвержен стужам и засухам, ибо это цветок освященного благодатью трепещущего человеческого сердца, который бережно возвращает для Себя Господь. Возлюбил я святую благодать Твою: весь день созерцаю ее!

117

Он был рожден из ничего,
Цветок сердечный.
И в нем – не плоть, не вещество:
Дух безконечный.
Тот дух Господь мой сотворил –
И час мой пробил,
Чтоб я сильнее дух любил,
Чтоб смело обоготворил,
И Богу уподобил.

38

В сердце свое не дыша смотрю и вижу, как нисходит в него свыше свет, обильный, преисполненный блаженства, словно встает над горами утреннее солнце, солнце Божественной Любви... Познал и я, грешный, предел своих сил: ибо Твоя Любовь безмерно обширна, Боже! Просвети тьму мою славным Воскресением Твоим!

На кронах юная листва
Исполнена блаженства.
Пусть говорит о мне молва,
Что родом я из детства.
Я с ним не разрываю связь,
Оттуда Бог зовет всех нас.
Где мы, на стыке двух миров,
Должны постичь: Бог есть любовь.

39

Чем больше я люблю Тебя, Господь, тем большей Любви алчу и жажду, не в силах забыть красоту лика Твоего даже на мгновение вспышки

118

ночной молнии, освещающей на миг окно моей кельи. Твой я навеки, спаси меня: ибо я взывал Любви Твоей!

Да, я – сознание, я – дух,
В просторе – птица.
Теперь и я, внезапно, вдруг,
Сумею в выси раствориться.
Я – вспышка разума, я – свет,
Ни позади, ни между.
И за Христом иду, след в след,
Храня надежду
На то, что хочется сказать,
На то, в чем нет противоречий.
На то, что говорят глаза,
На то, что в сердце непременно встречу.

40

Лишь волны утихнут, глубоко на прибрежном дне моря зеленеют густые водоросли. Так, лишь только утихнут искушения, глубоко в сердце проступает явственно неизреченный свет лица Твоего, Боже. Да придет ко мне милосердие Твое, ибо Любовь Твоя – вечное утешение мое!

Кто станет богом, кто ребенком –
Различия большого нет,
Когда в познание, самом тонком,
Душа войдет в великий свет.
Там создается начало,
Где Ты, Господь, неповторим.
Но даже этого мне мало –
Стань сердцем навсегда моим.

119

Сведи со смертью напрочь сче­ты,
Проглянь бездонностью с небес.
Я постигаю ясно, кто Ты,
Но суть Твоя полна завес.

41

В жаркий полдень необыкновенно вкусна свежая вода горного родника. Так, после долгих искушений, необычайно сладостна Твоя благодать, текущая в сердце, Возлюбленный Иисусе. Если бы не Любовь Твоя была утешением моим, погиб бы я в искушениях моих. Вовек не забуду милостей Твоих, Господи!

Очисти меня водою,
Чистою, ключевою.
Иль собери по крупицам,
Чтоб мог я Тебе молиться.
А душу омой благодатью,
Нетленною и святою,
И чтобы душа, пядь за пядью,
Вошла в Твое Царство с Тобою.
Чтоб в вечном Твоем бытии
Глядеть прямо в очи Твои.

42

Зря называют долгой зимнюю ночь! Лишь только Ты появляешься, Боже, не успеваю я насытиться Твоею Любовью, как уже наступает рассвет. В шорохе снегопада слышу святое имя Твое, Иисусе! Истаивает душа моя о Спасении Твоем: уповаю на неистощимость благодати Твоей!

120

В просветах зимней ночи
Ты появился, Боже.
Я промолчу о прочем,
О чем Ты знаешь тоже.
Рассветом оглушенный,
Дух перешел пределы,
Усталый, пробужденный
И в малом жив, и в целом.
На шорох снегопада
Я сердце отворю.
Одно мне только надо –
Шептать: «Благодарю!»

43

Безпокойный помысл о том, что скоро пробудится утренняя заря и разлучит нас, никак не дает спокойно насладиться созерцанием Божественного света Твоего, Господи! Всю ночь вспоминал я имя Твое, Боже! Удел мой – неисходно хранить память святого имени Твоего, Иисусе!

Постигаю с Тобой сокровенное,
Наслаждаюсь сиянием тайного,
И, наверное, самое ценное –
Ничего в этом нету случайного.
Полюбив, распахнусь и расширюсь,
Пусть душа свои крылья не сложит.
Стану утренним облаком в мире,
И оно от любви изнеможет.

44

Господи, Ты сказал: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:16), а потому равнодушно любить Тебя

121

совершенно бесполезно, все равно что играть с мыльным пузырем собственного воображения. Поистине без Тебя я словно потухший уголь: Боже, воспламени сердце мое пламенем Твоей Любви!

Просто – прикосновение,
Просто – стихотворение.
Заживо – преодоление,
Заново – достижение.
Лишь непросто – простое смирение
И навек во Христе – воскрешение.

45

Кто истово держится за земную жизнь, упускает ее, как кошелек, потерянный на базаре. Изначально так есть и так будет. Не лучше ли посвятить ее полностью стяжанию Христовой благодати, чтобы вновь обрести эту жизнь в бессмертной Любви, подобной сладчайшему меду из Божественных сот вечности? Любви Твоей, Господи, полна земля: насыти иссохшее сердце мое!

Господь, Ты – совершенен.
Я истово молюсь.
Твой свет для нас священен,
Я за него держусь.
Мой Бог, Ты – нескончаем,
Конечен я и мал.
Ты весь необычаен,
Чтоб я чудесным стал.
Чтоб духом прах развеял,
Чтоб сердцем тьму прожег.
Я многое умею,
Но лишь с Тобой, мой Бог.

122

46

Никому из людей неведомы муки пустынно-го уединения, которые выжимают из сердца слезы, словно его выкручивают, как мокрую одежду. И никому из людей не понять того счастья, когда Твоя Любовь, Боже, переполняет душу, изливаясь через края избытком благодати, как река из горного озера. Благо сотворил Ты любящему Тебя, Господи, доброму разумению и ведению Любви научи меня: ибо Любви Твоей верую!

Не знаю, как и почему –
Живу по слову Твоему.
Я стал никем, а Ты – ничем,
И оба мы с Тобою – всем.
Не помню где, зачем, когда
Я все отверг мечты.
И потерял себя тогда,
И все же я – как Ты.

47

Словно детские качели, так качается жизнь моя – то радость, то печаль. Только в Тебе, Боже, нахожу безмятежный покой, в котором сердце всегда неизменно, – покой бессмертной Любви, нашедшей опору в неизменной верности Господа! Благо мне, что Ты смирил меня, дабы научиться Любви Твоей, ибо Любовь Твоя для меня дороже всех богатств земных!

У мола – шторм, у мыса – мель,
Как детские качели.
Бог не за тридевять земель,
Лишь ты живешь без цели.

123

Жизнь бесполезно прожита,
Без всякого вопроса,
Когда она – одна мечта,
И та – не дальше носа.
Как трудно вырваться из лап
Лукавых дней и будней.
Тебе, пусть ты в борьбе ослаб,
Христос опорой будет.
Поставив пред собою цель,
Пройдешь ты дальше, выше.
Бог – не за тридевять земель,
Он из тебя все слышит.

48

Мельтешат в уме помыслы, словно ночные комары возле уха. Налегке иду к Тебе, Боже, лукавым помышлениям нечего взять у меня. Благодарить свыше – вот все мое достояние. У Любви к Тебе, Христе мой, нет тяжести, как у освободившегося от страстей сердца человеческого. Буду ходить свободно, ибо сердце мое взыскало спасительной Любви Твоей!

Ветра суровы, воздух глух.
Зовет к обожению дух.
Мы все без сил, мы исчезаем,
Но Бог всегда неисчерпаем.
Грядет на землю Божий суд.
Что я скажу? Что скажет люд?
От этой тяжести и в сердце, и снаружи,
Господь, Ты больше всех нам,
безутешным, нужен.

124

49

Внимая молитве, не дремлю до рассвета. Ночь для души светла, как день, ибо Ты освещаешь ее светом Своим, Христе. Чуть-чуть рассеялось сердце, ревниво за ним слежу: не дам ему уйти никуда, кроме Любви! Помыслы мои сплетают на меня ложь: прежде в искушениях я заблуждался, а ныне Любовь Твоя хранит меня всюду, как орлица птенцов своих!

В первый раз – не рассеялось сердце,
Помогая смириться уму,
Оттого, что в любви можно греться
Ее пламенем только ему.
Сторожу сердце чутко, ревниво,
Нет, ему от любви не уйти.
Благодать, как рукой, бережливо,
Глубоко ее держит в груди.

50

В сумерках тень моя слилась с лиловым вечером и стала неразличимой. Так душа моя с Духом Твоим Святым, Христе, неразделима в Божественной Любви. Буду утешаться заповедями Твоими, которые возлюбил от всего сердца!

Сумерки – и никакой опоры.
Вечерний свет неразличим.
Мне для любви роднее горы,
Где можно с Богом быть моим.
Любовь – неколебимый стержень,
Я возрождаюсь изнутри,
Где дивный свет завтра брезжит
И, не сжигая плоть, горит.

125

Подслушал я у любви золотые слова: «Любовь спешит в сердце от мирских скорбей, как путник домой из чужедальных краев». Чем больше молюсь, тем больше постигаю смысл молитвенных слов: в каждой молитве к Богу молитвы святых отцов – как отзвук тысячелетий. Непрестанная молитва – великое утешение в бедствиях моих, слово Твое оживляет меня вновь и вновь!

Подслушать у любви слова непросто,
Они сподручны вечной тишине.
А тишины наслушался я в досталь,
Она учителем была суровым мне.
Касание любви, нежнейшее дыханье,
Бездымный пламень, голубой исход,
Молитва истовая, слезы, покаянье,
И многое, чего ум грешный не поймет.
Но сердцу многих слов для этого не надо,
Оно само Христа в себе найдет.
И благодать ей будет, как Его награда,
Когда от всех избавится забот.

Случайно заметил я различие в любви: праздничный ум любит смешиваться с людской толпой, забывая о делах, а ум, погруженный в молитву, любит соединяться с Возлюбленным Христом, забывая о самом себе. Вспоминаю откровения Твои, Господи, и утешаюсь!

Отоснились золотые сны,
Но осталась крохотная горсть
На просторах горной тишины
Снов моих среди алмазных звезд.

Праздный ум, привязанный к толпе,
Погружен в забвенье суеты.
Господи, хочу сказать Тебе:
Ты – звезда моя с сердечной высоты.
Ты ступаешь по стезям времен,
Мимо не проходишь никогда.
Твоим светом дух мой озарен
Оттого, что Ты – моя звезда.

Тысячи хищных птиц-искушений слетелись к сердцу моему, ибо созрело оно для Любви, словно сладкая ягода в Божьем саду. Верю, что защитишь Ты его, ведь оно цвело и плодоносило лишь для Тебя одного, мой Господь, истекая соком непрестанных молитв! Буду жить и хранить святое слово Твое!

От хищных птиц покоя нету,
Но не прервать им жизни нить.
Тянусь от искушений к свету,
Ведь свет и значит все любить.
Спасать воистину не просто,
Нет, не себя – людей других.
Дай Бог, чтоб было силы в досталь
Собой пожертвовать для них.

Пусть всем каплям крови, что текут в наших жилах, любопытные определяют их число, пусть они сочтут все атомы человеческого тела, но кто из людей найдет предел и сосчитает все то блаженство, что заключено всего лишь в одной

капле Божественной бессмертной Любви? Ты, Боже, укротил гордых, а чистые сердцем блаженны в Царстве Твоем, ибо они возлюбили Тебя!

Пусть гордым в мире несть числа
И стали дни суровей.
Ценнее жизнь, ценней дела,
Добро – как капли крови.
Не иссякай в сердцах, любовь,
Пусть крепнет стержень веры.
Пришла пора, себя готовь
Дарить любовь без меры.

55

Когда приходит сильный ветер, все море до горизонта вздымается волнами, без конца и без края. Так и сердце мое, когда повеет ветер Любви, все переполняется словами Иисусовой молитвы, которым нет конца и предела. Исповедал я пред Тобою любовь свою, и Ты услышал меня: научи меня заповедям Твоим!

Блаженство души, ее в Господе рост,
Не выдаст безмолвная плоть.
Но Бог удивительно ясен и прост:
«Кто верит в Меня, не умрет».
Целительна сила Божественных слов,
Им сердце свое приоткрой.
Останется жить на планете любовь
В единстве с блаженной душой.

56

Доверяюсь Тебе целиком, Боже! Ведь все, что благословила благодать Твоя, произойдет несом-

128

ненно, и потому знает дух мой, что Ты поселил меня там, где я должен спастись, всецело обратившись внутрь себя, чтобы увидеть Тебя в себе таким, как Ты есть. Воистину, Господь – Пастырь мой, Он покоит всех в сердце Своем и водит нас к водам тихим бессмертия Своего.

Один я всегда и повсюду один,
А ночь так черна и темна.
С любовью ко мне Ты пришел, Господин,
И сердца коснулась она.
Молитва сердечная вдаль потекла
К небесным чертогам святым.
А сердце, сгорев, словно уголь, дотла,
Вновь именем живо Твоим.
Не мил этот мир без Тебя, мой Господь.
В душе моей – горечь и стыд.
Один я себя не смогу побороть,
Желанье мое – только Ты.
Зовет Тебя слово мое и душа,
И в жилах – огонь, а не кровь.
Любовь – это в теле душевный пожар,
А кости мои – связка дров.
Как я одиночество перенесу?
Как встречу разлучницу-смерть?
Зову я Тебя, о Господь Иисус!
Сгорая, не дай мне сгореть!

57

Поскольку душа моя возлюбила Господа, она, как Господа, любит и всех детей Божиих. Они все есть душа моя, и она жива в них любовью Христовой. Любовь Христова проникает всюду, не оставляя ни одного сердца без дыхания Божия.

129

Это есть дыхание святости, и оно неустанно говорит сердцам человеческим, что есть только Бог, чистая безвременная любовь, побеждающая смерть, ибо Господня – земля, вселенная и все, что пребывает в ней, живет единственно этой неумирающей Божественной любовью.

Весна – это время любовных признаний.
Монаху – пора для душевных стенаний.
Пусть люди в сердечных желаньях капризны,
Господь для души драгоценнее жизни.
Христова любовь – это Света дыханье.
Что я подарю Тебе? Лишь покаянье.
У нищего нет ни семьи, ни жилищ.
Увы, я таков же – и болен, и нищ.
Считаю, как он, за минутой минуты,
Когда разорву я житейские пути.
Сиж у дороги, взываю к прохожим:
«О, где Ты, Господь? Исцели меня, Боже!»

СЛАВОСЛОВИЯ

1

Ныне радостен и я, Боже, тихой радостью обновленного сердца. Ты Сам являешься тем, кто не ищет радости и не требует упрямо прихода Твоей милости. Поистине, сеющие слезами молитвы свои будут пожинать с радостью всходы святой благодати Твоей! С молодых лет эту благодать копил Ты где-то, Господи, в неприметном уголке сердца моего – и вот теперь она здесь, словно кроткое сияние немеркнущего света. Ты одеваешь светом душу человеческую, как ризою: слава Тебе, Боже, за все!

Обновилось сердце – дух воскрес,
Словно снят со скорбного распятия.
Я оставил жизненный свой крест
Со следами Божьей благодати.
Долго брел по нивам и полям,
Поспешать за мной душа устала.
Понимаю: все, что сделал сам,
Все это, Господь, ничтожно мало.
На распутье Ты меня нашел,
Попросил, и я не прекословлю,
Чтобы я опять на крест взошел,
Политый Твоей святою кровью.

2

Священными славословиями и непрестанной молитвой укроти себя, бедная душа моя, чтобы все святые ангелы собрались вокруг тебя

с пробуждающим пением: «Восстани, восстани, о душе, что спиши?» Явись пред Господом, словно ангел благого молчания, дабы бессмертное веяние Божественного мира исторгло тебя от уз смерти. Поистине, восстань же и взгляни внимательно в ночное небо: разве Млечный Путь не следы людей, что взошли по нему на Небеса? Кто мудр, тот заметит это и уразумеет милость Господа!

Восстань, что спишь, душа моя?
Ум, будь как ангел светоносный.
Пусть мудрость в сердце, не таясь,
Цветет, как дух златоволосый.
Мир только кажется таким,
Что трудно в нем увидеть Бога.
Пусть станет зрение другим,
Чтоб можно было Свет потрогать.
С Ним так доступно и легко
Душа сливается согласно.
Ей – или Бог, иль ничего,
И это совершенно ясно.

3

Отче Небесный, Тебе вечную славу воспевают святые Ангельские чины, а я связан плотью и земным существованием. Но когда мир Божий оживает в моей душе, тогда я во всех людях вижу благоволение, а на земле повсюду зрю мир и благодать Твою. Ты дал нам Сына Божия, дабы спаслась всякая душа человеческая, уверовавшая в Него. Ты Святым Духом освятил наши сердца. Каким славословием мне восхвалить Тебя, какую благодарность вознести Тебе? Одно лишь могу промол-

вить в великой радости, что все мы, возлюбившие Царство Твое, отныне сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим, и мысленный враг не одолеет нас, и сыны беззакония не потеснят нас!

Из выстраданного и пережитого,
Из сердца упавшего, но не убитого,
Из Бога святого, Всевышнего,
Из Бога родного, не книжного,
Из детства простого, безбрежного,
Из слова живого и нежного:
Христу от души – благодарение,
А миру навечно – прощение.

4

Ныне увидели очи мои, Боже, Спасение, дарованное Тобой – пребывание святой благодати в преображенном сердце моем. Поистине я «был мертв и ожил» (Лк. 15:24). Чист и неизменен Небесный свет ее, сияющий в душах праведников Твоих. Священные одежды души – смирение и рассуждение – все это Твои дары, Господи Иисусе, верным Твоим, и об этих дарах я молю Тебя, не о мирских и тленных вещах преходящего мира сего. Непрестанная молитва – умный свет, питающий дух любящих Тебя, – это Твои милости, Боже. И хотя ветшает тело, но дух неветшающий в нас, обновленный Духом Святым, – Твои неизреченные чудеса, и нет им конца. Об имени Твоем радуемся весь день и правдой Твоею восхвалим к Твоему познанию!

Ни на что иное не похожее,
Хуже всех я, грешник, чадо Божие.
Я был мертв и ныне снова ожил –
Это тоже Твое чудо, Боже.
Царь Небесный, всюду пребывающий, –
Умный Свет, святых всегда питающий,
Дар духовный, мудрость, рассуждение –
Это все в Тебе нежданное рождение.

5

С чем сравнить Тебя, Боже? С каплей утренней росы, что в бутоне цветка лугового дрожит на ветру? В той капле одной мириады вселенных рождаются и умирают и вечность сменяется вечностью, и повсюду в мириадах цветов – мириады капель. Лишь Ты один ведаешь их число и время их жизни! С чем еще сравнить Тебя, истинный Боже? С человеческим сердцем, чью безграничность постигаешь только Ты, единственный Бог? В миллиардах сердец Ты пребываешь незримо для них. И когда одно из сердец человеческих увидит Тебя как Ты есть, то радость Твоя велика и щедроты Твои безмерны к нему, дабы в таких преображенных сердцах воссияла слава Твоя, Боже. Слава Тебе отныне и вовеки, Владыко Человеколюбче, и милость Твоя и Истина Твоя с нами!

Что бы ты, душа, ни испытала,
Только в Боге можно жить сначала –
Безпредельно, безконечно, глубоко,
Чтоб, как в детстве, мчаться босиком,
На бегу от счастья замирая
В поисках утраченного рая.

Взвесить все и заново проснуться,
Чтоб в бездонность Бога окунуться,
Чтоб душа была бездонностью сыта,
Чтобы сердце знало: это неспроста,
Чтоб от капли утренней росы
Сердце вздрогнуло: «О Боже, это Ты?»

6

Ты – корень, Боже, поскольку все коренится в Тебе. Ты – источник, поскольку все происходит из Тебя. Ты – опора, поскольку все держится на Тебе. Ты – Ум, поскольку все разумное рождается из Тебя. Ты – сердце, поскольку являешься сердцем всего бытия. Поэтому безграничное сердце Твое слышит даже слабый стук всякого уставшего сердца человеческого, скучающего по Тебе и жаждущего Тебя. И когда наши сердца начинают биться согласно, Ты соединяешь нас Духом Святым в единое целое, преображая сердце мое и делая меня, недостойного, достойным для этого священного соединения. Слава Тебе, Господи Боже сил! Кто силен, как Ты, Господи? И Истина Твоя окрест Тебя!

Я легким был и большекрылым,
А Ты – безмерным и незримым.
Я легок все еще и зрим,
Но Ты – невидим и непостижим.
Ты – вечносущ и невеществен,
Я – Твой скиталец и безвестен.
Ты – мой Источник, Корень мой,
Ты – Ум Верховный и святой.

Ты – Дух Хранитель, цел в едином,
Я в мире странствую пустынным.
Скучаю по Тебе и жажду единенья,
Не зная, что в Тебе я с самого рожденья.

7

Всякое знание требует другого подтверждающего знания, поэтому никакое мирское знание не приносит покоя душе. Не знаю Тебя я, Боже, и не постигаю Тебя, но это незнание и непостижение удивительным образом приносят умиротворение моему сердцу. И то, что я не знаю и не постигаю Тебя, становится моим истинным и совершенным постижением и познанием, в которых пребывает полнота благодати. И эта благодать, пришедшая в сердце благодаря незнанию и непостижению, совершенно изменяет его и насыщает светом Твоей премудрости, Боже, потому что именно Ты и есть Высочайшая Премудрость всего бытия, сотворенного Тобой! Пусть же на века пребудет мое сердце чистым и прозрачным до самых глубин своих, где Твоя удивительная слава сияет, подобно незакатному солнцу. Бог наш на престоле сердца человеческого творит все, что хочет!

Ты сердцу вечность подаешь к рассвету
Безсчетно, чтоб я мог опять
Спуститься в душу, в вечность эту,
Где ни прибавить, ни отнять.
Ты все вместишь и все приемлешь,
Безвременный Твой свет и я в душе обрел.
Ты все растишь и держишь эту землю,
Ту, на которой Ты меня нашел.

136

Премудрости Твоей невиданные силы
Мужи великие не могут исчерпать.
Свои познания они нам подарили,
Чтоб нам хотя бы крохи их стяжать.

8

Непоколебима скала, которую сотрясают удары морских волн и свирепые бури. Так и сердце, возлюбившее Тебя, Господи, непоколебимо стоит под ударами искушений, и не устрашают его бури помыслов и дурных пожеланий. Тысячи лет чиста и прозрачна вода в горной реке, и не замутит ее никакая грязь. Так и душа человеческая, соединившаяся с Тобой, Господи, блаженна в чистоте и ясна в Божественной благодати, ибо не замутит ее грязь мирского невежества. Безоблачен небосвод сердца человеческого, освященного Святым Духом, и светло сияет в нем слава Человеколюбия Твоего, Иисусе Христе. О преславный и всемилостивый Господь, не счесть всех благодеяний Твоих роду людскому, как и Твоей необъятной и неизмеримой Любви к осветившимся душам. Слава Тебе, Господи Вседержителю, слава Тебе, Любовь Божественная и незабвенная! На Небесах душ человеческих утвердил Ты Истину Твою!

В сонмах бед и бурь грядущих –
Отступлений западня.
В бесконечности живущий,
Жизнью входишь Ты в меня.
От безчисленных соблазнов
Нет укрытия в глуши.
Сонмы тайн разнообразных –
Все внутри моей души.

137

Благодать благоденний
Грязь обид не замутит.
Только крепче дух мой станет,
Крепче Бог воздвигнет щит.

9

Хлебнуть несколько глотков прохладной воды в жаркий полдень из родника – славно. Услышать трели соловья, который буйствует ночью в майском саду, – славно. Обрести в сердце молитву, живую, непрестанную, нескончаемую, – славно. Из всего этого извлекаю урок: славословить Тебя, Господи, за все это стоит – и это славно! Вразуми меня, и буду хранить благодать Твою всем преображенным сердцем!

Смягчает душу благодати ток.
Господь, Ты здесь? Ведь Ты ее исток.
Втекаешь внутрь Ты струей незримой,
Прохладной, чистой, бережно хранимой.
Она необычайна, о Господь, смотри:
Я вижу свет – Ты у меня внутри.

10

На Пасху со всех сторон слышны колокола и пение. Душа, словно пасхальная полночь – светла. И радость поет в ней колокольным перезвоном: «Слава Тебе, Боже, воскресшему от смерти! Слава за то, что и я, грешный, воскрес с Тобою!» Сей день сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся сегодня, войдя преображенной душой в нескончаемые веки вместе со Христом!

Сей день сотворил
Господь безтелесный,
Тебя нам открыл
Отец наш Небесный.
Мы дышим Тобой
И жаждем открыться.
Мы в сути одной
Не имеем границы.
Тебе суждено
Мирозданье спасти.
А мне лишь дано
Свою скорбь понести.

11

Сила души выявляется в искушениях, сила ума – в рассуждениях, а сила сердца – в молитвах. Дух человеческий, привыкший к уединению, обретает эту тройную силу и согласно с благодатью славит Святую Троицу. Ты – Бог мой, буду славить Тебя; Ты – Господь мой, буду превозносить Тебя, Ты – Истина моя, буду восхвалять Тебя!

Исчезает эго,
Остается дух.
Ничего не требуй,
Никого вокруг.
Я не в небе оклик
И не звук шагов.
Это новый облик
Духа моего.
В том-то все и дело,
Не найти подлог.
Исчезает тело,
Остается Бог.

Ложь скажет – мира нет иного,
Господь молчит, не говорит ни слова.
Его увидишь как Он есть,
Когда душа твоя готова.

3

Попробуй кто-нибудь счесть, сколько листьев шумит в горных дебрях! А если все же кто-то узнает число их, тогда и поймет, сколько тысяч лет длится всего лишь одно мгновение Жизни безсмертной благодатной души! Освяти всех нас Твоей благодатью, Христе, ибо Ты велик и творишь чудеса!

Кому-то внешний мир по нраву:
Любить успехи, почести, славу.
Не упусти лишь Одного, Кто ждет тебя внутри, –
Ведь вместо мира выпил ты отраву.

4

Стражи ли охраняют покой страны? Войска ли? Правители, что опасаются вражеских происков? Конечно, нет. С давних лет сказано ясно, что достаточно всего лишь нескольких неизвестных миру отшельников, пребывающих в глубочайшей молитве, чтобы остались целыми и города и страны. Всего лишь нескольких Твоих отшельников, Христе... Спаси всех нас, Боже, их святыми молитвами, ибо Ты помощник для всех смиренных сердцем!

Пусть человек – ничтожный прах,
Пусть силы нет в его руках,
Господь, Ты дал ему надежду –
С Тобою, Вечным, слиться в небесах.

5

Тому, кто выбрал праведный и честный путь Спасения в Тебе, Христе, спокойно спится ему, и спокойно трудится он, и встает, и ходит. Мир душе такого человека и мир окрестностям, его взрастившим, и мир стране, что стала его земной отчиной! Милостив Господь, и праведен и милосерд Бог наш Иисус Христос!

Да, мы в Отце – едины и в духе – равносущны,
По благодати Ты и я – единокорны,
И все ж, Христе, во всем Ты – более меня,
Хотя бы потому, что помыслы мои
мне не послушны.

6

Зимний ветер задувает безжалостно за ворот, и все же он менее надоедлив, чем дурные помыслы. Опасна зимняя стужа для здоровья, нагоняющая простуду. Но более опасны дурные помышления, вызывающие плотские желания и порождающие гордость житейскую. С тяжелым жаром лежит свалившийся от болезни, с тяжелым сердцем живет одурманенный злом. Помилуй всех любящих Тебя, Господи! Призываю святое имя Твое: покажи на них знамение во благо, да устыдятся все, ненавидящие их, а праведники да просветятся!

Господь в тебе, живом, сокрыт.
Ты благодатью с Богом слит.
Когда себя вконец забудешь,
Тогда тебя Он сохранит.

7

Обретший в себе непрестанную молитву благодарен всему на свете: рокоту морских волн – они научили его непрерывно молиться, шуму ветра – он научил его не терять внимания в молитве, крикам чаек на морском побережье – они научили его памяти Божией, дыму костра на привале – он помог ему стяжать слезный плач в покаянии, суетному миру – он научил его истинному отречению. Но более всего молитвенник благодарен Господу и Пресвятой Богородице – Они даровали ему самое ценное на свете: спасение души! Об этом Спасении и наши мольбы прими, Боже, ибо я благоговею пред Тобою!

Достигнув старости, в ней несколько
я вижу утешений:
Немного книг, прогулок, сна,
духовных восхождений –
В них нет излишества, но Тот,
Кто жив внутри,
Всех удовольствий в целом мире
он блаженней.

8

Если у монаха нет в сердце непрестанной молитвы, кто будет знать, что существует Бог? Трудно удержать греховный ум, как кусочек масла на кончике ножа, но, если не овладеть умом, кто будет знать, что существует Спасение? Блажен всяк, боящийся Господа и ходящий путем обуздания своего ума!

В мир человек пришел, мы рады,
но откуда он явился?
Жалеем мы того, кто умер,
но куда от нас он скрылся?
Наш дух не знает измененья:
в нем даты смерти нет,
и даты нет рожденья.
Ему, безстрастному, похоже, все равно:
иль умер он, или сейчас родился.

9

Тому, кто имеет чуткое сердце, достаточно увидеть четки, чтобы в нем ожила благодатная молитва. Тому, кто чист душой, достаточно вспомнить о Боге, чтобы из глаз полились сладкие слезы любви. Устремляюсь к Тебе, Иисусе, словно дитя, отнятое от рук матери, – спаси меня и помилуй в любви Твоей!

«Все хорошо», – твердит глупец,
Хотя ему пришел конец.
Наверно, хорошо, когда глупцы уходят, –
Познавши мир,
«Все хорошо» не говорит мудрец.

10

У того, кто заблудился в жизни, сначала заблудилась душа. Прямым жизненным путем у того, кто прям и чист душой, ибо Ты облек такую душу в Спасение и все святые возрадуются путям ее!

Прильнув у Господа к груди,
Не сможешь от Него уйти.
И даже тот, кто ум твой искушает,
Не станет на твоём пути.

11

У монаха, созерцающего Божественную славу,
нет даже минуты, чтобы взять в руки четки и от-
влечься на молитву, ибо слова иссякают в горта-
ни его, созерцая величие Твое, Боже, которому
нет конца!

Всегда везде давай дорогу
Идущему живому Богу.
Поверь, придет однажды час,
Что будет и тебе куда поставить ногу.

12

Развевающийся на ветру стяг – символ мирско-
го ума, развеваемого помыслами. Честной крест –
символ обóженного монашеского сердца, рас-
пявшего свои страсти. Блажен, кто упокоится в
Тебе, Христе, – славлю Тебя всем сердцем моим!

Как стать собой? Лишь только в Боге.
Не будем же к другому строги.
Нам нечем Бога превзойти:
Мы без Него – пыль на большой дороге.

13

У мирянина искажено морщинами лицо: вот
что делают с ним дурные помыслы. Ясен лик мо-
наха, стяжавшего созерцание, ибо ясно и чисто
в его сердце сияет Владыка Христос. Милость Твоя,
Господи, вовек: не оставляй же дел рук Своих!

Бог отдал нам Себя всего,
А мы... нам жалко одного –

146

Вот это «я», но, не расставшись с ним,
Мы точно не получим ничего.

14

Помыслы мирянина – письмо на струящейся
воде. Молитва монаха – надпись, высеченная на
камне. Славлю Тебя, Господи, всем сердцем мо-
им за милость Твою – за нетленный свет в глу-
бинах его!

Ленивых Бог окликнул громом,
Отважных – горным оком.
А тот, кого позвал Он Сам,
Исчез в сиянье невесомом.

15

Забота о детях заставляет блуждать ум миря-
нина. Забота о Спасении обращает ум монаха в
столп света. Возьму ли крылья зари и переселюсь
на край небес Твоих, и там рука Твоя поведет меня
и удержит душу мою в Спасении Твоем!

Кому-то Бог растет снаружи,
Другому – просто рядом нужен.
И только у детей Господь растет внутри.
Кто сердцем как дитя, – вот именно
с таким Он дружен.

16

Мирянин всегда колеблем сомнениями и не
уверен, доживет ли он до Спасения. Монах твердо
знает, что он обязан спастись прямо сейчас. Слав-
лю Тебя, Христе, ибо душа моя вполне сознает
это, – дивны дела Твои!

147

У Бога плоти нет,
Он – безтелесный Свет.
Пусть ум в тебе без помыслов умрет, –
Ты не найдешь в себе ни плоти, ни примет.

17

Пусть многократно ударит мороз – а ель всегда
зелена. Пусть искушения идут волна за волной –
не оставит молитву монах. Когда я пробуждаюсь
от сновидений, я все еще с Тобою! О, если бы Ты
никогда не удалялся от меня!

Мы ищем: Господи, Ты где?
Ты в небе? В море Ты? В звезде?
И если не найдем Его в себе –
Он все еще распят и на кресте.

18

Кто сердцем чист – ясно видит свет Христов,
а кто сердцем темен – видит лишь тень мира сего.
Возвышенны для меня суды Твои, Боже, и ми-
лостям Твоим нет числа!

Вопросов множество, до самого рассвета,
Но истинного не найти на них ответа.
Он Сам – безмолвный всеобъемлющий ответ,
В котором никаких секретов нет.

19

Если сердце наполнено молитвой, то и жизнь
полна благодати. У пустого сердца – пустая жизнь
в пустых помышлениях. Наполни, Иисусе, серд-
це мое Любовью к Тебе и направь меня на путь
вечный!

148

Все в мире ограничено, конечно,
Все мимолетно, бренно и невечно.
В тебе самом есть средство вырваться из круга –
Ведь только в Боге сердце бесконечно.

20

Монах – это ясное и безоблачное духовное небо.
Мирянин – это темные тучи земных помышле-
ний. Душа монаха – самоотверженная молит-
ва Любви и покаяния. Душа мирянина – страхи
и опасения за жизнь свою. Сохрани меня, Спасе,
в страхе Твоем!

Твердят, что жизнь – приготовленье
к смерти,
Но говорить о смерти мне не смейте.
Я только в Боге приготавливаюсь жить –
В Нем невозможно умереть, проверьте.

21

Истинное благо – один Христос в сердце. Пол-
ное заблуждение – множество помыслов в уме.
Избавь меня от суеты, Боже, ибо я – дитя Твое!

Нет ничего на свете тяжелее,
Чем эгоизм, который всем всего милее.
Мне одному с ним справиться невмочь –
Избавь меня от не-меня, Господь, скорее.

22

Городской шум не по душе мне: по ночам еле
слышен голос соловья, поющего в каменных
джунглях, а молитва словно заблудилась. Ради
многоэтажных домов как будто потеряло ее мое

149

сердце. Господи, Ты – сила Спасения моего! Спаси же меня от нечестия!

Душа – без стен, как и Всевышний,
Кто без души – тот в целом свете лишний.
Бог ничего не прячет от нее –
И потому Он для тебя – твой ближний.

23

На рассвете серые волны меняют цвет моря на бронзу: снопы лучей брызжут из туч. Так и душа в молитве меняет свой облик – становится голубкой, взмывающей ввысь, к Пресветлому Богу, где непорочные обитают пред лицом Твоим, Боже: очисти меня от грехов моих!

Вдыхаем Господа, своим вбираем зреньем,
В просторе чувствами мы тонем с упоеньем.
Как назовем того, кто к Богу встал спиной,
Являясь Его собственным твореньем?

24

В пыли земной следы мирских людей и святых – одинаковы. В молодости жил своевольно, не понимая, что истинную радость ищут лишь в Боге. Состарившись, об этом говорю другим: не дайте уклониться сердцу к путям неправым. Господи, помилуй всех людей Твоих!

Бог без труда в Себя вмещает всех людей,
От дальних звезд и до травинки средь полей,
Он столько подарил тебе добра и теплоты,
Но почему ты не откроешь Богу
дверь души Твоей?

150

25

Тот, кто хочет постичь законы судьбы, пусть тщетно ищет в пустыне след ветра. На закате ста- рости нетленный свет в душе – великое приобре- тение. В молитве и созерцании столетие для нее – словно пролетел комар. Охрани, Господи, двери сердца моего, ибо в них чудом проник светлый луч Твоего милосердия!

С нами Бог говорит каждый день, каждый миг,
Через волны прибоя, заснеженный пик.
Безконечностью Духа, любовью Своей
Через душу и совесть твои – напрямик.

26

Что принадлежит мирскому уму? Говор люд- ской, мирские развлечения и состязания тще- славия. Что принадлежит молитвенному сердцу? Вечерний полумрак, звездная ночь, утренняя рас- светная дымка и вся полнота Христовой благода- ти. Все мольбы лишь о ней, Иисусе: открой благо- дати сердце мое!

Тот, кто хочет зов совести слушать,
Наклоняется сам к себе в душу.
Глубже в собственный дух загляни,
Если хочешь быть Богу послушен.

27

Проглянет солнце в окне, а потом – внезап- ные темные тучи, и день становится вдвое ко- роче. А когда в душе оживает молитва, углубляет- ся созерцание и прибывает благодать, каждое

151

32

Седые волосы на висках треплет мне зимняя буря. Страна разваливается на глазах. Бодрствуйте, жители мира сего, чтобы не погибнуть под его обломками. Только у благодатной души нет предела для восхождения к бессмертной жизни. Благословен Господь, научающий душу мою духовной брани с грехом!

Бог слышит нас и каждый сердца вздох,
Он слышит всех, и потому Он – Бог.
Но нам нужней всего Его глагол услышать,
Чтоб Он помочь нам без помехи мог.

33

Давно опостылела суэта мирской жизни тому, кто ищет покоя для души. Только не решится он никак, что ему выбрать. Монастырь? Там много работы. Горы ли? Там полно искушений. А тот, кто решителен, быстро порывает с миром, словно голубь, легко разрывающий в полете паутину в окне голубятни. Господи, приклони Небеса Твои к возлюбившему Тебя всем сердцем!

Всмотрись в простор, в себя всмотрись:
В просторе каждом скрыта Жизнь.
Они вовек неразделимы,
Их разделяет только мысль.

34

С каждой молитвой Любовь в сердце все шире и выше! Живя вдали от людей, научился ценить тишину: только в ней слышнее непостижимый

голос Всевышнего Бога. Простри, Боже, с высоты руку Твою, полную милости и благодати!

Дослушай Бога до конца,
То глас Небесного Отца.
Кто глас Его услышит и познает,
Тот станет гласом мудреца.

35

Сорок минуло лет, а горный хребет все тот же. В речной воде не узнаю свое лицо: морщинистое, как вяленая форель. словно по облачным ступеням восходит мой безплотный дух к Небесам: в них новую песнь желаю воспеть Тебе, Боже, песнь Спасения грешной души!

Отец, Ты виден через Сына,
А с Сыном наша плоть едина.
Когда б Ты через это тело просиял,
Я с радостью б отдал его Тебе,
Ведь Ты – всему причина.

36

Злее стужа под старость, словно ножом обрывает нутро. Исправляю не раз в дневнике свои строки. Хочется так помолиться, чтобы заполнилась последняя брешь в душе, в которой нет еще Бога: да узнают все сыны человеческие великую Любовь Господа!

Душа свой собственный увидела финал:
Разбита жизнь, как брошенный бокал.
Господь ее Собою переполнил,
А ты Его совсем не распознал.

37

Всех дел никогда не переделать, глянешь – опускаются руки. Лишь у отшельника нет никаких забот. Хотел рассказать ему о себе, но позабыл все слова. «Помолись обо мне!» – вдруг попросил он. Господи, его святыми молитвами помилуй всех нас!

Есть простая вода, есть и хлеба ломоть,
Но ты снедью иной ублажил свою плоть.
И мечтаешь, что нету смышленей, чем ты.
Вспомни, кто подарил тебе это? Господь!

38

Молитва летит вслед морской чайке: к восходу лежит их совместный путь. Детские восторги давно прошли, а из глаз текут благодарные слезы сами собой: слава Богу за все! Сердце не в силах вместить всю полноту духовной Свободы во Христе: Царство Твое – Царство всех веков!

Как воздух, счастье ты глотнул,
Его к себе ты притянул.
И горд им, не делись с другими.
А это Бог в тебядохнул.

39

Тень моя шла по пятам за мною и в густом лесу внезапно исчезла. Так в священном созерцании вмиг исчезают все помышления, терзающие душу. Буду восхвалять Господа, доколе жив!

156

Накрыла тень небытия
Твое заблудшее дитя.
Но если мы одно с Тобой,
Куда тогда отправлюсь я?

40

Праведен, чист монах, сохранивший от похоти сердце свое. Для благодати к такому монашескому сердцу коротка дорога. Пусть свирепствуют помыслы, ему быть подобным хочу, Боже!

Жизнь – это дар, но так веди дела,
Чтобы случайно мимо не прошла.
И если Небеса не посетят тебя в душе,
То, значит, ты ограблен жизнью догола.

41

От прошедшего майского дождя похорошели счастливые лица ирисов. Не так ли изменяется душа влюбленного в Тебя, Господи, когда в нее канет святая Твоя благодать? Хранит Господь всех любящих Его!

Бог ничего не повторяет,
Все наперед Он мудро знает.
И тем, что ты сейчас читаешь,
Тебя к спасенью призывает.

42

Невозможно вылетевшее слово повернуть вспять. Невозможно отшельнику в мир возвратиться. Давным-давно позабыл он к нему направление, ибо сердце его свободно от мира и покорно

157

только Святому Духу. Благоволит Господь к упо-
вающим на милость Его!

Войдя в тебя, Господь тобой живет,
Войти в Него Он Сам тебя зовет.
Премудрость Духа – полная самоотдача,
Не следует ее решать наоборот.

43

Греху покорен целый мир, но этот мир все
еще рождает чистые души. Кто бы поверил, что
и поныне есть святые? Полные сомнений, бро-
дят неприкаянно сыны тьмы, не ведая, что есть
неуничтожимый свет Небесный. Честь и слава по-
знавшим в сердцах своих Свет истинный!

Чем человек смиренней, тем дороже,
Но деньги и смиренье – не одно и то же.
Меняют деньги все мозги у человека,
И от таких мозгов мороз идет по коже.

44

К тому, кто устремился в мир, спешат, летят по-
мыслы навстречу. К тому же, кто выбрал познание
Бога, спешит, торопится навстречу Божествен-
ная благодать. Запутавшийся в мыслях ощущает
лишь холод сердечный: как можно это избрать?
По милости Твоей спаси меня от всех помышле-
ний, угнетающих душу мою!

Как рассказать мне о Тебе,
ведь Ты, Господь, неведом?
Как я войду в Непознанное за Тобою следом?

158

Я знаю, что я в Нем, но что Ты есть, не знаю.
Ведь это счастье – быть с Тобой
наперекор всем бедам.

45

Ошибку громоздя за ошибкой и преступление
за преступлением, ум без Бога страшнее разбой-
ника. Потворство дурным помыслам страшнее
нанятого убийцы. Довольно всю жизнь искать
Истину в книгах, если хочешь на опыте углубить
ее постижение. Сердце мое жаждет познать и
воспеть вечную благодать Твою, Боже!

Благодать взойдет, как солнце, душу осветя,
Сердце тихо улыбнется, как во сне дитя.
Ничего не будет боле – ни обид, ни ссор,
И тогда любовь проснется, мир весь охватя.

46

Светлячки не летают в росные ночи. Правед-
ные помыслы не приходят в отравленный по-
хотью ум. Трудно назвать спасением устройство
души, не оставившей всецело дурные страсти.
Праведен Господь во всех путях Своих: спаси нас,
призывающих Тебя во всякое время!

Я перестал бояться вдруг,
Узнав: свобода – это Дух.
Но чтобы оставался ум смиренным,
Остался перед помыслом испуг.

47

Кто помнит о смерти, у того полноводен слез-
ный поток. Забывший о ней смотрит, прищурясь

159

похотливо, на лица женщин. Плачущий нерасторжим с Богом, смеющийся нерасторжим с крошечной тьмой. Блажен, кому помощник – Отец Небесный, любящий праведных!

Не бойся все начать сначала:
Дойти опять до рек, до гор, до перевала.
Дойти до Бога наконец.
Пусть уверяет нас глупец,
Что никогда такого не бывало.

48

Посуровело лицо гор: нахмурились брови туманов. Пар изо рта, готовый исчезнуть, – жизнь человеческая. Тихое сердцебиение осени – моя молитва Тебе, Боже, молю: спаси меня! Да воссияет лицо Твое в душах людей Твоих, и спасемся!

Устал? Тогда еще устань,
Чтоб стержень духа рос.
Нет сил? Тогда еще трудись,
Чтоб сердце родилось.
Когда ты скажешь: больше не могу,
Тогда за дело примется Христос.

49

Наощупь стал жить, как слепой, – одним лишь чутьем пробужденного сердца. Нащупывая каждый шаг, боюсь отклониться от Евангельских истин. Чутко ловлю трепетной душой неуловимые изменения бытия – благодать в мире почти на исходе. Как последняя песня иволги в конце лета – одинокая молитва монаха: все дышащее да хвалит Господа!

160

Господь, Ты – всюду и нигде,
Ты – прямо здесь, и Ты – везде.
А может, дышишь прямо в сердце,
Чтоб я держал свой ум в узде.

50

Нет такой стороны, где бы Ты не присутствовал, Боже. Но в храмах Тебя значительно больше, а более всего нахожу Тебя в сердцах святых. Не потому ли все пути человеческие приводят к храму, а храмы приводят к Твоим святым, Иисусе? Их святыми молитвами спаси всех нас, Человечколюбче! Вечно будем славить Тебя и в род и род возвещать хвалу Тебе!

Я знаю, Боже, кто с Тобою слит,
Тот никому и ничего не говорит.
Хотел бы я молчать о Боге, не раскрывая уст,
Пусть это сердце – камень, но даже он кричит.

51

На самом доньшке осени, словно льдинка – моя надежда. Еще один-другой год, какая разница? Иная жизнь в душе набирает силу, силу Спасения во Христе, где времени уже не будет! Не оставь души моей, Господи! В чистоте сердца веди меня к избавлению от греха!

У Бога воля – до седьмых Небес огонь любви.
А воля наша – перед Ним, смирясь,
сказать: благослови.
Хотя бы каплей той любви
пожить по Божьей воле,
Чем бедствовать своею, сколько ты на свете
ни живи.

161

52

Прозрачный, словно капля дождя, начался весенний день. После ночной молитвы светло на сердце. Свят путь Твой, Боже! Так бы и жил тысячу лет, лишь бы не свернуть в тупики: об этом моя мольба к Тебе, Возлюбленный Иисусе! Ты не даешь мне сомкнуть очей в Божественном созерцании: я потрясен и не могу вымолвить ни слова...

Пусть рядом Ты всегда, в Тебе хочу я быть,
Чтоб так, как Ты – и верить и любить.
Наверное, для этого одно лишь только нужно –
Себя, как полное ничтожество, забыть.

53

Прекрасна земля, омытая дождями, как обновленная душа человеческая после покаянных слез. Вот так полюбить Тебя, Господи, жаждет и моя душа – светлой, чистой Любовью юношеских ожиданий! Ты держишь меня за правую руку: что мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле!

По всей земле – великое повсюду разделенье.
И в душах, и в сердцах растет ожесточенье.
И только во Христе, как в сердце всех сердец, –
Единодушие живет и единенье.

54

Все глубже ухожу в леса: в рассвет над горами,
в дрожащую дымку тумана, в вечносущую Истину –
сердцу хочется заглянуть в самую ее сердцевину.
Воистину, да будет так по милости Твоей,
Христе мой! Войду в созерцание о силах Господа

162

Бога и буду умножать всякую хвалу Твою; уста мои не устанут возвещать Истину Твою!

Нащупать тишину в себе и вечность ощутить –
Для этого не нужно в лес и в горы уходить.
Но если оказался ты в горах или в лесу,
То станут тишина и вечность сами в тебе жить.

55

Освободился от скреп бытия: свободен мой разум и взор. Целиком душа обновилась. В каждом шаге – покой, в каждой молитве – умиротворение, а в каждом ударе сердца – тонкий глас благодати: да благословляет всякая плоть святое имя Господне!

Не унывай, расправь свободно душу.
Бог прямо здесь, тебя готов Он слушать.
И чтобы меж тобой и Ним
возникло притяженье,
Ты только сердце приготовь и уши.

56

Хвала Тебе, Христе мой! Ты напоил душу, словно родниковой влагой, всего лишь пригоршней Своей благодати. И вот – я снова юн и бодр, руки мои крепки, ноги быстры, а голова ясна. Ты взвел меня – и я не тяжел для пути Твоего. Да будет ум мой жить правдой Твоей день и ночь!

Мы знаем: Бог велик и щедр,
Он для всего единый центр.
Но этот центр в груди твоей –
Без края, без границ, без мер.

163

61

Брожу по горам среди трав и цветов, озаренных чудесным светом земного восхода. Чудеса Твои творятся во мне непрестанно, словно в душе открылись глаза, увидевшие новый мир, преисполненный Твоей благодати, Боже. Только такими глазами можно узреть Тебя, Боже мой. Я замираю от изумления: Ты исполнил сердце мое веселием духовным!

Словно капля на ладони – Бог.

Словно воздуха глоток – Бог.

Он повсюду, около и рядом, но ты ищи
Его в себе,

Он ждет тебя, ведь Он – твой безначальный Бог.

62

Долго я шел к Тебе, Господь и Бог мой! Дороге, думалось, не будет конца. А оказалось, что я пришел в свое сердце, где Ты радостно обнял меня, словно блудного сына. Только хочу узнать у Тебя: почему же я напрочь забыл ту дорогу, по которой шел? Господи, путеводи меня в правде Твоей, ибо Ты благословляешь идущего к Тебе, благоволением, как щитом, венчаешь его.

Внутри Божественного бытия течет

Непрекращающийся кругооборот.

Все связано, и все в том бытии свободно –

Одно лишь только «я» – совсем не в счет.

63

Немного времени прошло с тех пор, как я в немощи своей обратился к Тебе, Боже, а Ты успел со-

166

творить столько чудес, что не могу исчислить их, чтобы во всей полноте восхвалить милости Твои! Душа моя водворилась у стоп Твоих, куда пойду от Тебя, Господи? «Ты имеешь глаголы жизни вечной!» – по слову святого апостола Твоего. Буду славить Тебя, Господи, всем сердцем моим, возвещать все чудеса Твои.

Бог в сердце смотрит, ты – на целый мир,

Который Бога в глубине не утаил.

Ведь создан Словом он совсем из ничего,

А ты его живым вообразил.

64

У белоствольного тополя стою, не могу обхватить его руками, а когда я его сажал, он был толщиной в мизинец. По горестной земле еще бродит душа моя, а устремления ее – далеко за горными тучами земных помышлений: там, где в самой глубине сердца восходит поутру солнце жизни моей – Возлюбленный Христос. Монахам, которые в книгах ищут Христа, сам я удивлялся всегда. А нынче лишь Святое Евангелие открою, Ты из него говоришь: «Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». Спаси меня ради милости Твоей!

Оттого, что Ты есть, мне отраднее дышится.

Оттого, что Ты – песнь, в небе пение слышится.

Даже просто узнать, что Ты в сердце моем, –

Кровью имя Твое непрестанно в нем пишется.

65

Поднимаюсь на молитву ни свет ни заря, очищаю сердце от всяких земных забот. Дух

167

проникает в невидимое Благо, никто не может меня удержать. Зачем в тревогах и волнениях терзать собственную душу и истощать свой ум в пустых помышлениях? Благоухание Святого Духа не сравнить с земным каждением благовоний. Тому, кто истово кланяется и обращает взоры к небесам, скажу: отвергнуть свой эгоизм – это наилучший земной поклон Господу. Избавиться от дурных сердечных помышлений – превосходнейшее благоуханное каждение Владыке Вседержителю. Ты испытаешь сердца и утробы, праведный Боже!

Если людям говорить слова, они не слышат.
Если показать им чудеса, они не дышат.
Ты скажи, что нужно, Богу одному –
И сразу люди все услышат и запишут.

66

Помоги, Боже, на сон идущему хранить ум в сердце без всякого страха, как прячет голову в панцирь черепаха, и избегать дурных страстей уловки, как мышь избегает сыра в мышеловке. А в день наступивший вразуми меня, Боже, не жить вслепую, не действовать напропалую, не растратить жизнь впустую. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен.

Привстань над болью иль приподнимись,
В Живущего в тебе попристальной взглядишь.
В Нем – ни предательства, ни тени перемены,
Вот потому Он и зовется – Жизнь.

168

67

Добродетелей у святых не счесть, благодати не исчерпать. Вспоминаю о них в молитвах со вздохом восхищения. Редкостны они стали в нашем мире, пути их постичь невозможно. Если буду подвизаться даже тысячу лет, то и тогда не избавиться мне от грехов моих. Усталый, засыпаю в молитвах на полу, уткнувшись головою в книги. Дошел я до предела сил моих, молю Тебя, Господи, будь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби.

Землю любить – не то,
В небо взлететь – не то.
Держаться за ближних – пустая опора,
Ведь всё, кроме Бога, – не то.

68

В горле слезы стоят: что такое жизнь моя?
Пустые мечтания в голове, словно пучок травы в руке. Нежданно-негаданно пришла благодать, улетучились скорби мои. И чем более вижу себя недостойным ее, тем больше ее прибывает. Впереди воссиял свет спасения. Ты, Господи, возносишь меня от врат смерти в жизнь вечную.

Всем больно от греха, всем больно,
Когда сам в грех впадешь неволью.
Пусть кто-нибудь у Бога освятится,
И этого мне, грешнику, довольно.

69

В воде пляшут отблески молний, к сердцу подступают помыслы сомнений: как переправиться

169

мне через жизненную пучину? Невзгоды окружили меня, у клеветников – острый язык и коварный ум, недаром говорится, что змея кусает всех, кроме своих детенышей. Для чего, Господи, стоишь вдали, скрываешь Себя во время скорби? Лишь в благодати Твоей сердце находит мир на многие годы. Ты помогаешь смиренным, Боже, хранить истину в чистоте помышлений и ходить непорочно перед лицом Твоим.

Хочу не жаловаться Богу, но просить прощенья
За все свои паденья и смущенья.
Но более всего для сердца мне милей
Ему безчисленные возсылать благодаренья.

70

Словно озябшая птица бьется возле окна, так душа моя устремляется к Тебе, Господь, чтобы укрыться в тепле Твоей благодати. Сердце мое подобно заглохшему саду, заросшему колючками, ветви которого неудержимо тянутся к милому небу, так тянется оно к простору милостей Твоих! Неземная любовь к Тебе, будто лесное пламя на ветру, разгорается все сильнее. До каких пор будешь скрывать лицо Твое от меня?

Мои молитвенные просьбы
Всю ночь восходят от земли.
Внимаю сердцу, чтоб услышать,
Что Ты сказал в Своей дали.
И не дает мне беспокойство
Понять одну простую вещь:
Лишь замолчав, яснее слышу
Твой глас Божественной любви.

170

71

Ловок и силен человек, но смерть легко расправляется с ним. Долго планы лелеет опьяненный суетной жизнью, держась за тонкий волосок мечтаний ночных, дунул ветерок скорбей – и все исчезло в один миг. Как осенний иней траве, так помыслы убивают сердце. Шестьдесят-семьдесят лет – как один щелчок пальцев. Просвети очи души моей, Милосердный Господи, которыми увижу я жизнь вечную, чтобы водвориться в неветшающих обителях Твоих.

Я – пуст и нем,
А Ты – полон всем.
И все, чего мне так не хватает, –
Отдать Тебе часть проблем.

72

Кто правду говорит, а кто ложь – ввек не разберешь. Смотрят искоса, глаголют умильно, языком своим стоят за правду, а в душе никакого сочувствия – так злые дела плетут люди, по этим повадкам узнать можно их. Лишь на узком пути истины Божией нет никогда разочарований. В слове Твоём, Господи, не усомнюсь и в благодати Твоей не поколеблюсь.

Кто я? Кто Ты? И что – спасенье?
Вопрос, еще вопрос – ума мученье.
Но если ум во мне затих –
В душе растет преображенье.

171

Горе тому, кто домогается богатства, идя по головам людей. Благо тому, кто устремляется к стяжанию Святого Духа, воспаряя к небу на крыльях молитвы. Боже, кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, кто непорочен, пребывает в правде и хранит истину в сердце своем.

Как будто есть, как будто нет –
 В душе остался светлый след.
 Неуловимее тончайшего дыханья
 На мой немой вопрос – безмолвный
 Твой ответ.

Дух мой в Тебе потерялся, Господи, словно белая цапля на снегу. Исчезаю в глубине Твоей, как предрассветный месяц в бездонном небе. Как только свеча догорит, ярче сияют звезды. Дикая лоза без полива растет, а садовый побег жаждет небесной влаги, чтобы зеленеть привольно. Так сердце мое медлит пройти последний рубеж до полной встречи с Тобой. Ты укажешь мне путь в полноте радостей пред лицом Твоим, ибо это – путь к вечному Царству истины Твоей.

Наконец я потерял «мое».
 Позабыл, что для меня «твое».
 И все же дума не дает покоя –
 Куда упрятать сердце мне свое?

Боже, родимый и родной, Ты – мой молчаливый собеседник! К тебе взываю днем и ночью: днем – чтобы пробудиться от сновидений земной жизни, ночью – чтобы открылись сердечные очи к свету Твоих нескончаемых глубин любви и милосердия. Земная дорога кажется такой долгой – дорога души моей к Твоему безконечному Духу. Ты помнишь, что мы – плоть и дыхание, которое уходит и не возвращается. Поэтому Ты, Господи, и дал нам вечную душу, чтобы она не блуждала одиноко в вечности мироздания, а пребывала с Тобой и в Тебе нераздельно!

Один – в наитии созрел,
 Другой – сияние узрел,
 Земной восторг свой посчитав спасеньем.
 И лишь смиренный богом стать сумел.

Повторяю себе многократно: к чему рыть колодец, когда изнемогаешь от жажды? Зачем устремлять ум к земному, если хочешь обрести Божественную любовь? Сердце мое оттаяло, пришла радость. Поэтому оно всегда с теми, кто день и ночь воссылает молитвы к Богу. Душа моя среди тех, кто похвально Господом. Боже, спаси детей Твоих, не промедли. Да восхвалят Господа все ищущие его!

Ты – вечно цел, а я – раздроблен.
 Я – как и все, а Ты – особен.
 Я от Тебя не отделен, я это знаю, –
 Но ЧТО Ты есть? Не понимаю.

* * *

Отсечь слова, ненужное отбросить
И наконец-то радостно вздохнуть.
Теперь мы ни о чем Тебя не спросим:
Господь, Ты – жизнь, Ты – истина, Ты – путь!

Мы в нежность окунемся безпечально,
Ведь нежность есть название любви.
Твоей любви, великой, безначальной,
В которой вздохи слышатся мои.

Нет больше страхов, нет и опасенья.
Как темный вихрь, расточилась грусть.
Из света Твоего и радости спасенья
Я ни за что назад не обернусь.

Ты долговечен, постоянен, целен.
Возжег Ты дух во мне, как яркую свечу.
И потому Тебе я бесконечно верен,
Скажу наедине, что я еще хочу.

К Непостижимости Твоей душой прижаться,
В Непознанность Твою безтрепетно войти,
Глаголы вечные услышать – и не расставаться.
Поистине, куда еще идти?

Часть третья

Предисловие к третьей части

*Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?*

А.С. Пушкин

Если уж говорить начистоту, то отзывчивости и сердечности в непростом поэтическом искусстве что может противостоять? Даже лютая злоба и горькая зависть слабеют рядом с отзывчивостью душевной и тают рядом с сердечной любовью и простотой, так как все эти благочестивые качества – другие наименования благодати Божией. И если эта благодать повстречается с мошенничеством и плутовством, что переплелись с суетными мирскими делами, подобно искусственным нитям, смешанным с чистой шерстяной пряжей, то такие неблагоприятные душевные качества сразу делаются явными, как утром отчетливо видна печать разврата на лице ночного блудника и проходимца, пусть он будет даже очень умен, и никакое комедианство и притворство не смогут изобразить благодать Небесную,

даже если они наклеют на себя слащавую улыбку от уха и до уха. Где находится благодать Небесная? Конечно, в сердце, потому что в голове находится суетный мир, а в сердце пребывает Бог, просвещающий человека. Поэтому никогда не забывать о безконечном Боге, пребывающем в нашем собственном безконечном сердце, для которого даже галактики как брызги вечности, – это и есть спасение.

Ведь к простодушному и смиренному милость Божия, как говорится, приходит и остается, а от лукавого и подлого убегает и не дается. И никакие ухищрения не могут скрыть в стихотворном деле лукавства и подделки, как поддельное клеймо на негодной вещи или как гнилой мост не скроет бездонный провал. Искренние стихи пишутся без всякой утайки, и лучше всего, если они к тому же указывают всякой верующей душе путь к Небесам Царства Божия из непосредственного молитвенного опыта, рождаясь из истинной молитвы к Богу, которая людям кажется молчанием. Тогда стихи непременно получатся, а для этого нужно как следует смириться, так как на гордыне временно вознестись можно очень высоко, но падать придется гораздо глубже. Бог часто дает нам знать, когда мы отходим от Него, что мы сами по себе – ничто. Но если мы с Ним, то Он открывает нам, что мы – Его сыны.

Когда в душе есть решимость, ум ясен, а сердце устремлено к благодатной чистоте и спасению, тогда оно само заговорит стихами и приведет человека с их помощью прямо к подножию духовной лестницы, на которой еще сохранились следы прошедших по ней святых мужей. Здесь,

возможно, кто-то покачает головой и, ничего не уразумев, вздохнет, а кое-кто обязательно проговорит: «Так что же, всем нужно стремиться сделаться поэтами?» На это отвечаем, со всяким смирением, таким образом: «Конечно, нет необходимости обязательно становиться поэтом, но взрастить в себе самом чуткое сердце – первейшая обязанность всякого молитвенника и подвижника». А сомневающейся душе, упрекающей искренних людей в такой пустой затее, тихонько подскажем, что чуткость сердечная есть ценнейшее противоядие от слепоты и глухоты душевной, когда видя не видят и слыша не понимают.

Чему учили нас всех прежние благословенные молитвенники и подвижники? Они всех учили простому спасению: «Живи скромно, спасайся равно», то есть иди средним, или царским, путем: не особо впадай в бурные радости и не слишком ввергай себя в сильные печали, а во всем держись Христа. Человек святой души, подобный незабвенному старцу, архимандриту Кириллу (Павлову), памяти которого мы посвящаем этот небольшой сборник стихов, казался окружающим самым заурядным монахом и самым обыкновенным духовником, но, присмотревшись попристальней, можно было заметить, чем он отличался от остальных людей: именно сердечной чуткостью, исполненной смиренной любви, которой нам, грешным, ох как недостает. Это есть своего рода некая душевная утонченность и благодатная деликатность, незримо притягивающие к себе человеческие сердца. Подобное благодатное восприятие в чем-то неуловимо сродни высокой поэзии.

Не постигающий сказанного не ухватывает сути, поскольку все это вызывает у него усмешку, но об этом можно и не говорить. Нужно, так сказать, опытно, а не умозрительно, почувствовать вкус поэтического молитвенного переживания, в котором нет никаких земных привязанностей и которое может даже утолять голод и жажду, источаясь из сердца подобно потокам живой воды: «Но только лишь поэзия – язык, которым разговаривают с Богом». Этот язык есть неизреченное безмолвие духа: доверившись мысли – теряешь духовное блаженство, доверившись Богу – возвращаешь его. Так становишься или глупцом или мудрецом. И получается, что, оставив прежнюю жизнь в слепоте и глухоте душевной, можно через это особое поэтическое видение узреть новый мир и духовно постичь иную жизнь не от мира сего, прикоснувшись хотя бы на мгновение к святой Небесной любви и к Божественному безмолвию. Посему и мы, непонятливые, приложили немалый труд в надежде сделать чутким собственное сердце, и со всем доверием полностью отдаем его вам, читающим эти строки, чтобы в завершение каждый из нас, верующий во Христа, мог с великой уверенностью и смирением сказать: «Бог победил во мне. Ум умер. Христос – это все, что есть вовеки».

МОЛИТВЫ ЮНОСТИ

И, словно из засады, грянул Бог.

Р. М. Рильке

Озеро Сорапис

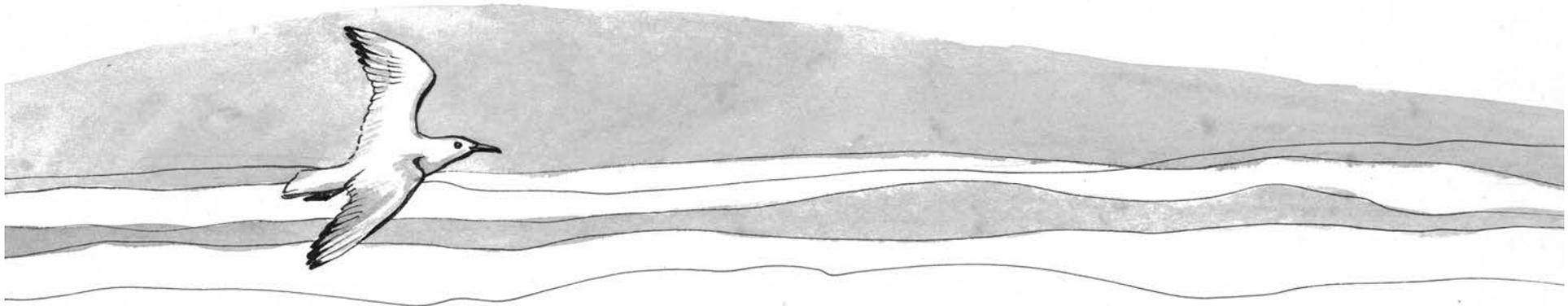
Напоенные внутренней силой,
мы с тобою оставили мир.
Это озеро было красивым,
словно вплавленный в душу сапфир.
Облака бронзовели над нами,
кинув в скалы нетающий снег,
и вершины, как белое пламя,
возле солнца летели вразбег.
И безмолвие все обнимало:
эхо в скалах, людей голоса,
словно вечность, оно прорастало
в устремленные к небу глаза.
Прорастало до мышц, сухожилий
удивительным счастьем любви –
мы его, как бессмертие, пили
и насытиться им не могли...

* * *

Наутро сердце пробудилось
и в Бога, до конца, вошло
так глубоко, так широко,
что жизнь, которая приснилась,
прозрачней стала, чем стекло,
и, как стекло, упав, разбилась.
Душа раскрылась, как сирень,
в ликующий зеленый день,
с поющей на ветви цикадой.
Ведь в Бога сердце влюблено,
а с ним и птицы заодно,
и лист, целующий окно,
когда в окне уже темно,
когда для счастья ничего не надо...

* * *

Тихим счастьем наполнилась
беспокойная грудь.
Что хотелось – исполнилось,
отогнав напрочь грусть.
Что желалось – достигнуто,
что посеял – взошло.
Много истин постигнуто,
еще больше ушло.
Оттого грудь распахнута
в голубой оком,
что вся жизнь перепажана
благодатным огнем.
Оттого, что закончилась,
ни сладка, ни кисла,
тихим заревом солнечным
и навеки ушла.

Велосипед

Люди что-то весело кричат,
я им тоже что-то отвечаю.
Я качу, как много лет назад,
я качу и ничего не знаю.
По бокам ромашки да овсы,
елей призрачных танцующие лапы.
Надо мною – неба монастырь
с тучами, летящими на запад.
Впереди на сотню лет вперед
ничего плохого не маячит.
Тот, кто любит Бога, тот поймет
все, что это чувство значит.
Безпокойства нет в моей душе,
только бирюза и постоянство.
я без удержу расту, и вообще
стал невидим, как ее пространство.
И потом, один вдали, как бог,
дожидаюсь тех, кто ждет ответа.
Я-то знаю: если кто-то смог,
значит, сможет тот, кто понял это.

Молитва юности

Необъятные вершины,
трав бессмертных аромат,
и вокруг, куда ни глянешь,
храмы Божии стоят.
Колокольни-исполины,
гул потоков ледяных...
Вижу Бога, слышу Бога
в синеве, в себе и в них.
В сонме гор необозримых,
в тайне чувств неповторимых,
обнимаю эту ширь
всей безбрежностью души.
И светлеет лик небесный,
словно Божие чело...
Отрешенный, кроткий, нежный,
Ты, Господь, и я – одно.

* * *

Я шел с отрога до отрога,
где гром гремел и пел, трубя,
когда в себе увидел Бога,
смотря глазами внутрь себя.
Сосна, свалившаяся набок,
и эхо, певшее вдали,
не создавали беспорядок,
но в мысли проросли мои.
И стали строгих гор движенья,
и вся трепещущая ширь
как плоть моя, как отраженья
моей проснувшейся души.
Любой предмет мечтой казался,
стихом какого-то псалма,
и мир, казалось, улыбался,
откинув доводы ума.
Но то, что ум постиг, робея,
жило во всем без всяких бед,
не как мечта или идея,
но как сияющий в нем свет.

* * *

Сердце будит птичье пенье,
звезды падают в траву.
Это все – земли вращенье,
там, где я живу.
Это все – весны забавы,
как призыв к прощенью.
Ухожу молиться в травы,
следуя движенью.
В пальцах – четки шерстяные,
на груди – иконка,
где в объятиях Марии
Бог, с лицом ребенка.
На лице Его тревога
и в глазах безбрежность,
чтоб душа нашла у Бога
и любовь, и нежность.

* * *

Приподнимаясь над землей,
плывя в небесной заводи,
я был Тобой, а Ты был мной,
храня любовь, как заповедь.
Дрожали тени, серебря
морскую гладь необозримую,
и я узнал в Тебе себя,
как жизнь неповторимую.
Летела чайка, глаз кося
на перламутр зари,
и свет, с которым лгать нельзя,
всю душу озарил.
Он терпелив и кроток был,
а я был слеп и глух,
но то, что Ты меня любил,
преобразило дух.

* * *

Горы помнят шаг мой осторожный
и дыхание, и судорожный хрип,
кто в палатке кашлял придорожной,
чаем травным прогоняя грипп.
Кто любил бродить сухим нагорьем,
в васильках валялся на земле,
над чужим не изгалялся горем,
на чужой не богател беде.
Пил с небес струящуюся воду,
разжигал костры на берегу
и любил не рабство, а свободу,
ту, которую я с детства берегу.
Не нужны ей ни асфальт, ни рельсы –
принадлежности мирского бытия.
Над горами синим стягом вейся
ты, свобода – молодость моя!

Мальчики

В тумане мальчики играют
на мартовском снегу,
и снег тот никогда не тает,
и мальчики не умирают,
и я забыть их не могу.
Тот, Кто на свете родился
для тех, кто раньше жил,
Кто никогда не изменился,
Кто просто взял и появился –
Он всех нас изменил.
В Нем мы нашли на всё ответы
и все узнали истины,
и наши понесли секреты
в неугомонные рассветы
причалы все и пристани.
Там, замыкая круг сомнений
и взрослых недоразумений,
где снег, где зябнет плоть,
чудесней всех земных явлений
играет с мальчиками из селений
в венце скорбей – Господь.

Сочельник

С тоской за плоть цепляясь брENNую,
которую с трудом ношу,
в окне, глядящем во вселенную,
кружок морозный продышу.
Зеленым сумраком взволнованный,
найду созвездия во тьме,
и Лик, лучами коронованный,
создавший это бытие.
Здесь Им так много совершается,
все, в чем живу я и расту,
что в благодать преобразается,
а благодатью – в красоту.
И потому из мироздания
лучится мне в окно звезда,
которой не найду названия,
но знаю – это навсегда!
Звезда, лучистая помощница,
ты душу извлекла из схем,
преобразив ее в пророчицу,
а сердце – в горний Вифлеем.
И плачу я, как грешник, сослепу
и знаю – высока цена,
чтоб мне, как кроткому Иосифу,
открылась Бога глубина.

* * *

Преобразуя день вчерашний
в день невозможный и нестрашный,
невозмутимый и живой,
дождь зашумел над головой.
Он бил наотмашь, наудачу,
пузырил августовский пруд,
треск грома не считал за труд,
как будто он чего-то значил.
Я прижимал к груди тетрадь,
где облаками буквы расплывались,
и дождь, казалось, был безумно рад,
что мы с тетрадью мокрой обнимались.
Он размывал слова напористо,
стучался в землю жарким лбом,
но даже гром боялся ссориться
со строчкой в ней: «Бог есть любовь»...

* * *

От помысла незваного
жить не станешь заново.
Не узнавший детства
не узнал блаженства.
Не знавший горя много
не узнал и Бога.
Кто не знал со злом борьбы,
не узнал святой любви.
Кто жил чужою болью,
тот стал земною солью.

* * *

Тому, кому спится,
снится зарница,
златистые блики
травы-повилики,
под ласковым солнцем
глазастый подсолнух,
прибрежный пырей
и мальки пескарей,
и смех безотчетный,
и говор безсчетный,
и шепот, и тени,
и запах сирени,
а тот, кто уже
от всего пробудился,
в Твоей благодати,
Господь, возродился.

* * *

Когда поток рождается слез,
тогда начнется жизнь всерьез.
Живее сердца нету органа,
когда в груди поет растроганно.
Душа, певучая, как птица,
в молитве к Богу устремится
и в ней, углем сгорев дотла,
познает всю жестокость зла.
Но побеждает жизнь действительно,
когда спасение спасительно.

* * *

В неправде нету благодати,
как и во лжи – разумного зерна.
А правда, как и Бог – всегда некстати
за то, что благодатная она.
И дети – это тоже полуправда,
как свет чужой, несбыточной страны.
Душа, взрослея, взрослой стать не рада,
из детства убегая в полусны.
Земная ширь без них – одно безлюдство,
как без людей тосклив асфальтный чад.
Так и без правды жить – одно безстыдство,
как жизнь без святости – один крошечный ад.

* * *

По горам блуждая где придется
и палатку ставя средь лавин,
все искал я место, где начнется
жизнь, в которой буду я один.
Я спешил куда-то, словно позван кем-то,
не задумываясь о своей судьбе,
но однажды поразился крепко
Тем, Кого открыл в самом себе.
Обитая в сердце на задворках,
безприютен, наг, и нищ, и бос,
словно взял и вынес на закорках
мою душу в этот мир Христос.
Не заботясь о мирских соблазнах,
Он со мной был рядом, не таясь,
но Его я опознал не сразу,
как слепой – свою с душою связь.
Там, в горах, я во Христе родился,
где был счастлив в забвенье вершин,
счастлив тем, что в сердце свет открылся,
тем, что с ним не буду я один.

* * *

Не слыша старца наставлений,
снедаемый мирской тоской,
я ринулся в мир приключений,
как будто сам не свой.
Трубили ветры мощь и цельность,
и синью душу даль звала,
я устремился в беспредельность,
по доброте, а не со зла.
Но там, нырнув в житейский омут
и в суе людской осев,
приметил, что в ней больше тонут,
выныривают не все.
Что солнце там совсем не светит,
что там сомненья – как свинец,
что для меня пути – не эти,
к которым звал меня Отец.
И неожиданная смелость
сожгла бродяжничества страсть,
и вместе с ней живая зрелость
внезапно в сердце родилась.
И стали старца наставленья
вдруг осязаемей, родней,
когда святые разуменья
сроднились вдруг с душой моей.

* * *

Однажды к рассвету, еще неумело
перебирая истертые четки,
душа внутри тихонько запела,
без единой фальшивой нотки.
Еще случались за потерей потеря,
еще душа в сомненьях бродила,
и я шептал, себе не веря:
«Она заговорила! Она заговорила!»
В ней столько звучало всего непривычного,
что я трепетал от стыда сокровенного,
но в голосе этом не слышалось личного,
а больше – необыкновенного.
И замерло сердце от невероятного,
и дрогнуло раз, другой и третий,
и море света сошло благодатного...
Вот так я Христа впервые встретил.

* * *

Когда меня в детстве ласкала мама,
желанье в груди толкалось одно,
и спрашивал я, настойчиво и упрямо:
«А счастье – какое оно?»
С годами до сути сумел я добраться,
когда разлетелись, как чайки, мечты,
лишь мамин ответ мне помог разобраться:
«Ведь счастье, сынок – это ты!»
Вновь в книгах упорно искал я ответы,
друзей тормошил и учителей,
и стало бродить мне по белому свету
мучительней и тяжелей.
Исчезли друзья и родители тоже,
повсюду – могилы, кресты.
И я восклицаю в молитве: «О Боже!
Ведь счастье, Христос, – только Ты!»

* * *

Жить не любовью, а чувством –
всегда утомительно грустно.
Обманчивы чувства до боли,
как в ране – пригоршня соли.
Стяжать мы любовь не умеем:
что делать не с чувством, а с нею?
Любовь и скромна, и послушна,
кротка и не двоедушна,
безсмертна она и безстрастна,
а потому – прекрасна!

* * *

Мне хотелось быть искренним,
стойким в горе и радости,
не запутаться в истине,
не извериться в правде.
Не волнуйсь промашками
и поступками смелыми,
жить на поле ромашковом
в доме с окнами светлыми.
Не печалить, а радовать,
постигая суть книг,
ни себя не обманывать,
ни других.
Согревать сердце молнией,
просветляться от гроз,
в соловьиной симфонии
задышаться от слез.
Чтобы все мы любили
и друг друга, и всех,
чтобы молоды были
не на год, а на век.
Но вторгаются странности
с намереньем вразрез,
и иные реальности
обретают свой вес:
чтобы вспять обернувшимся
начал жить второпях,
никогда не проснувшимся,
потерявшим размах.

Не хочу неизбежности,
не люблю непреложности,
допускаю небрежности,
упрощаю все сложности.
Ни на что не заглядываюсь,
ничего не боюсь,
если любят – не радуюсь,
а ругают – и пусть!
Очень трудно стать искренним,
встретить беды с отрадою,
но прекрасно жить в истине,
чтобы встретиться с правдою.

* * *

На лету, искристая, блестящая,
уплывала жизнь из рук,
а потом вдруг стала настоящая
и совсем иной, мой друг.
Стала солнцем в летних чащах,
вся в алмазных венчиках,
в каплях ливней шелестящих
в ковылях застенчивых.
Под высоким небосклоном,
распроцавшись с городом,
вспыхнув радугой и громом,
зашагала молодо.
Расплескав ветрами странствий
пыль дорог немереных,
стала песнями пространства
на тропинках времени.
Уподобилась красиво
дню непреходящему,
значит, Бог дал жить счастливо
и по-настоящему.

* * *

Когда сердца молчать устали,
тогда в лесу, в горах, в степи
одновременно мы узнали,
что значит – верить и любить!
Лишь птицы бормотали сонно
и розовели облака,
и мы глядели восхищенно,
влюбившись в Бога просто так.
Смотрели в небо голубое
и на деревья у тропы,
и открывалось нам с тобою,
что значит в Боге – я и ты.
Приняв серьезность нарочито,
молились, позабыв себя.
И Бог, как ласковый учитель,
нам все прощал, любя.

* * *

То, что так не нравится уму,
сердцу вдруг оно всего дороже.
И напротив – что легко тому,
сердцу неприемлемо до дрожи.
Всякий помысл, в мое нутро войдя,
с виду, кажется, – не страшная опасность,
но всей кожей ощущаю я
этой жизни страшную напрасность.
Не с того ль мне не по вкусу разной,
что живет внутри в безсчетных мыслях,
приносящих лишь разлад с самим собой,
тем, что не нашел в них нужных истин?
Пусть живет в душе предвечный Бог,
и мне видится, что это очень кстати,
чтоб в евангельский она проникла слог,
мой дурной преобразив характер.
Не борясь с причудливой судьбой,
благодать в ней ничего не портит.
Что, Господь, в сравнении с Тобой,
человеческие временные скорби?
Пусть мой дух, оставив эту землю
и расставшись с самим дорогим,
о Тебе прекрасную поэму
пусть себе расскажет и другим.

* * *

Как ни дергай себя, как ни мучай,
ах, как в жизни нужна благодать!
Удивляться, конечно же, лучше,
чем кого-то собой удивлять.
Ни богатством, ни крепкою статью
перед Родиной я не в долгу,
потому и живу благодатью,
что без Бога прожить не могу!
Нищетою российских угодий
не смутится усталый мой взгляд:
если есть где-то Божий угодник,
он оболган, а может, распят.
Мне мечты больше в жизни не надо,
возвращаться к ней незачем вспять.
Потому и на сердце отрада,
что не в ней, а в душе – благодать.

Голоса молодости

Я ловлю самосвал
на далекой дороге пустынной,
у ботинок разбитых
запыленный я ставлю рюкзак.
Только ветер гудит
под обрывом, как клич журавлиный,
там, где сумрак лежит,
как уснувшая в камнях гюрза.
На асфальт синий ЗИЛ
фыркнул запахом въедливой гари,
подняв облако дыма
и горячим мотором рыча.
Белозубый таджик,
говорливый улыбчивый парень,
дверцу мне распахнул –
ах, как дверца была горяча!
Я в кабине сажу,
ветер в ключья порвал эти дали:
мой водитель геройски
до пола педаль утопил.
А жарыща бушует,
да, жары вы такой не знавали.
Я безстрастно молчу
и лечу, и лечу, и лечу...

Позади метеором гремящим
бензовоз увязался,
в нем – кудрявый, скуластый
и что-то орущий шофер.
И как лихо вперед,
обогнав старый ЗИЛ, он промчался,
помахал нам рукою
и в синие дали ушел.
У водителя враз
нервы сдали, наверно.
Жестко зубы сцепив,
оседлал он шоферский насест
и вдогонку рванул,
в свой полет безпримерный,
по горячему, в пятнах мазута, шоссе.
Две машины, два друга,
два мрачных соперника очных,
светом фар, рассекающим горный простор,
разрывали на части вселенную ночью,
позабыв о попутчике,
в ночь устремившем свой взор.
А потом, кончив рейс,
усмехаясь, мне руку пожали:
мол, ты как, хорошо?

Ты не злишься на нас?
Я сказал им: «Спасибо!»,
а шоферы его и не ждали,
значит, гонка у них удалась.
Впереди тихо хлопнула дверь бензовоза,
мой товарищ, шатаясь,
рухнул рядом со мной на траву:
«Что за люди они? –
друг сказал, запинаясь, –
для чего эта гонка?
Я думал – умру»...
Ночь пылала, плывя
каруселью глубокой, бездонной.
Я задумался в звоне сверчков луговых:
отчего же душа, этой ночью безсонной,
так светлее, и тише,
и счастливее стала на миг?

* * *

Если думать столетия буду
и смотреть стану в тысячу глаз,
не пойму я лишь, люди, откуда
радость светлая в сердце взялась?
Знаем мы, что сказать может много
о спасенье любой богослов,
а вот просто сказать нам про Бога
не хватает у каждого слов.
За Него я отдам все родное,
то, чем больше всего дорожу.
Кто мне скажет, что это такое –
Бог, Которым живу и дышу?
Отсекая любви пуповину,
разрываем мы вечную связь
с Царством истины – Божиим Сыном,
чтобы в царство земное упасть.
Не держу на людей я обиды
в сердцевине текучего дня,
если кто-то спасенье увидел,
этим также он спас и меня.

* * *

Ну наконец-то! Я один в горах.
Автобусом приехал спозаранку,
оставил дом, где жил еще вчера,
где жизнь похожа на ее изнанку.
Рюкзак на плечи, ускоряю шаг –
мне нравится узнать свою полянку,
где лес березовый смородиной пропах.
Среди камней и россыпей цветов
я будто знаю каждый здешний ирис
под куполом бездонных облаков
и парюю кружащихся орлов,
и куст шиповника, который в камне вырос.
Смываю пот с лица речной водой,
снимаю с шеи вытертые четки
и в горной тишине, молитвенной, святой,
в самозабвении тяну неспешно сотки,
в молитве неусыпной и живой.
Там, в зарослях смородины пахучей,
рву ягоды под дождевой тучей,
крестясь на молнию с улыбкой счастливой,
как будто счастье пригоршнями ем,
и у воды, кипящей, белогривой,
я забываю, что мне двадцать семь.

Я забываю о себе, о теле,
о разных мыслях, что меня заели,
что дух безмолвно начал растворяться,
о том, как это будет называться,
с телесной распрощавшись скорлупою,
еще прощаюсь я с самим собою.
И лишь с одним Христом я не прощаюсь,
с Ним, как огонь с огнем, соединяюсь,
как пик заоблачный с отвагой смелой горца,
как отражение в реке с живым сияньем солнца,
как волны с глубиной в океане,
как летний полдень с неба синевой,
как шар земной с вселенною самой –
на этой, в ирисах, березовой поляне,
где Бог незримо говорит с душой.

* * *

Для многих Бог, как большая аптека:
прихватит сердце – можно лекарство купить.
А где Ему найти человека,
который будет Его любить?
Без Бога человек – зверь наполовину,
а зверь в религии – наполовину человек.
Без Христа никому не стать христианином,
даже если считать себя лучше всех.
Религия с религией – бесконечные войны,
лишь христианин не воюет ни с кем:
это сердце его, пронзенное болью,
распинается миром за Любовь – на кресте...

* * *

Перестала ныть и плакать
к ночи непогода,
и пророс в ней желтым маком
месяц с небосвода.
Невзирая на отвесность,
по тропе тревожной,
уходил я в неизвестность,
там, где невозможно.
Часто шел напропалую,
очень больно падал,
полюбил я жизнь такую
и другой не надо.
Полюбил не за погоду,
не за безопасность –
за крылатую свободу
и за благодатность.

* * *

С костром в обнимку, на рассвете,
прекрасно в юности пожить,
а в старости, в нетварном свете,
Христа всем сердцем полюбить.
Гряди пройти по острой грани,
молиться ночью в шалаше
и, победив в духовной брани,
увидеть благодать в душе.
Еще молитвенно припомнить
улыбку матери родной
и взгляд отца с любовью вспомнить,
навек оставив дом земной.
И наконец, уже в полете,
всех добрым словом помянуть,
и вас, которые поймете,
что значит в Небо узкий путь.

* * *

Ждал, когда мне откроется:
был ли Богом любим?
От Него не схоронишься
помышленьем любим.
Этой мыслью израненный,
чуть себя не сгубил,
жил любовью некраденой,
сам когда полюбил.
Счастлив первым свиданием,
не спешил за другим,
так и прожил с сознанием,
что не брошен я Им.
Что ценил, как заветное,
что хранил, как скупец,
словно самое светлое,
Бог открыл под конец.
Выйдя из неизвестности,
и сейчас, и потом,
Он, единственный в вечности,
стал Сладчайшим Христом.

Библия

Я рос, не зная передышки,
в пятнадцать лет иль около,
из долговязого мальчишки
до парня длинноногого.
Стыдясь друзей в романтике
девчоночьей профессии,
попал на школьной практике
в отдел большой поэзии.
Винтом крутилась очередь
восторженных ценителей
Есенина и прочего,
до Бунина включительно.
И девушкам, и женщинам,
за неимением лучшего,
совала в руки сменщица
лишь Пушкина и Тютчева.
Сомлев такой запаркою,
я был белей, чем стенка,
листая под прилавками
Рубцова с Евтушенко.
Храня сердца от пошлого,
когда читать уж нечего,
они пришли из прошлого,
и вот – придраться не к чему.

Но самой дивной редкостью
считал я только Библию,
забыв, с ребячьей дерзостью,
про книжную идиллию.
И странными казались
те фразы в шуме здания,
когда души касались
их словосочетания.
Я благодарен прошлому,
что сберегло от гибели
все самое хорошее,
что отыскал я в Библии.

* * *

Замолкло, стихло и не поет больше
то, что прошло, как будто без утрат.
Меняюсь я и становлюсь попроще,
гораздо проще, чем сто лет назад.
Не ведая с душою разделенья,
на поиск Бога я пошел за ней,
и нес свой крест ошибок и сомненья,
весь в синяках от брошенных камней.
Я был тогда сильнее и прямее
и, может быть, совсем не так упрям,
и полюбил во много раз живее
и Родину, и старенький наш храм.
Под плеском ветра, схлынув в одночасье,
ушла во тьму великая страна,
и вместе с ней мое простое счастье
как будто забрала с собой она.
Что ж, потерплю, пусть велика утрата
и пусть невосполним урон от бед,
но не она, конечно, виновата,
виновен я, и мне держать ответ:
чтоб в покаянии, в момент ее заката,
в душе не меркнул безконечный свет.
Ему не нужно ни борьбы, ни сожалений,
он – свет, не уходящий никуда,
избавивший меня от всех сомнений,
как то, что не похитят никогда.

* * *

Тону в живой безмерности,
не заслонив собой,
в переизбытке верности,
былиночки земной.
С любовью незагубленной
Христа в груди ношу
и плачу целомудренно,
и вместе с Ним грущу.
И вместе с Ним в слиянности
живое не гублю,
рыдаю в благодарности
и о других скорблю.
Скрепляя примирение,
ныряю, как в прилив,
в живое излучение
немеркнувшей любви.

Прозрение

Грозой тишина набухала,
скользила безшумно вода,
и ночь безпрестанно вздыхала,
пока я гулял у пруда.
Я долго бродил этой ночью,
молился и глаз не смыкал,
потерянный, брошенный, точно
о Боге еще не слышал.
И сердцем молил затаенно
о том, что не буду жалеть,
когда за Него окрыленно
приму безбоязненно смерть.
Что верю в победу Христову,
прошедшую все рубежи,
что сердце пока не готово
для преображенья души.
У моста, где колокол слышен,
я каялся, плакать устав,
и сам не заметил, как вышел
на насыпь и сел у креста.
Грозой тишина набухала,
скользила безшумно вода,
и сердце сиянием стало
и с Богом слилось навсегда.

Недруг

Молчал я, не соря словами,
глаза в глаза – и молча ждал,
когда закончится меж нами
неутолимая вражда.
Смотрел он искоса и боком,
был вкрадчив и опасно тих,
а в небе, празднично высоком,
клубился белоснежный вихрь.
Мы разошлись без разговора,
как забияки-сопляки,
и было то финалом спора,
хотя чесались кулаки.
Счастливой юности кумиры
давно уже сошли на нет,
но дорог мне, кто был задира,
и кто – непризнанный поэт.
Христовой мудрости научен,
я вслед за ним оставил мир,
и пусть был я не самым лучшим –
меня он с Богом примирил.

* * *

На перепутье дальнем
я перепутал дни,
оставшись в самом давнем
тысячелетии.
Там все смешалось порознь
в какой-то странный сон,
что я проснулся после
своих же похорон.
Мой улетел попутчик
в какой-то дальний век,
а я упал из тучи
на перевальный снег.
Опять в земном мытарстве
себя я узнаю,
в каком-то древнем царстве
на площади стою.
Стою в рубахе длинной,
от холода дрожу
и подаянье чинно
я у Царя прошу.
И мне кладет на площади,
с улыбкою простой,
тот Царь на белой лошади
огромный золотой.
Тут хор Небесный грянул
протяжно, высоко,
растерянно я глянул,
а рядом – никого.

* * *

Вновь манит даль, врата небес раскрывшая,
такая новая, такая бывшая.
Открыл окно. Под перезвоны стекол
всем бурям я молюсь наперекор.
Над морем, как всевидящее око,
звезда летит, ей видно далеко.
Ей видно все – от вдоха и до выдоха,
как много слов я высказал и выдохнул,
как мало радостей дало их полномочие,
как много горестей, и прочее, и прочее...
И то, как тело исчезает, словно видимость,
как дух мой постигает Бога истинность,
и как душа приносит Богу Богово,
ей также слышно очень, очень многое.
О чем молчу, молясь в ночном безмолствии,
о чем я плачу, слыша голос совести,
и в чем молитва кается беззвучная –
все понимаешь ты, звезда моя летучая.
И даже то, что Бог во мне струится,
и то, чьи в памяти не исчезают лица,
и то, как нарождается день солнечный,
такой хороший и такой безоблачный!
И если глянуть в даль живую строго,
такой мгновения приобретают вес,
что мне хватает одного лишь Бога,
а вместе с Ним хватает и чудес!

* * *

Как кроток, тих и неприметен
тобой не встреченный Господь,
но ты Его, конечно, встретишь,
себя сумея побороть!
Пусть свет Христов – велик и стоящ,
но ты его увидишь сам,
когда в душе своей построишь
тобой не выстроенный храм.
Тогда, не знающая срока,
как свет, струясь в сплетеньях жил,
нас привлечет в объятия Бога
неиссякающая жизнь.

* * *

В неисчерпаемости правды
нужды нет отводить глаза,
и если жить, то Бога ради,
чтобы о ней другим сказать.
Мы иногда молчим о многом,
слова правдивые трудны,
но сердце, слившееся с Богом,
есть совесть гибнущей страны.
Дух умирает от сомнений,
а человек – от личной лжи,
и гибнет просто, без борений,
забыв бессмертие души.
Пусть зло пока еще глумится,
ты будешь смел, невозмутим,
и обратишь лицо к убийце,
и не отступишь перед ним.
Там будут ложны все улики,
все ухищренья клеветы,
в той правде станет дух великим,
когда едины Бог и ты!

* * *

Отцу Игнатию

Светлеющее ласковое море,
туманная нездешняя печаль.
Серебряною пеною на моле
оно в бетонный плещется причал.
Я принимаю сердцем этот лепет
волны его, прозрачной, огневой.
Меня увозит, словно белый лебедь,
паром обратный в рейс двухчасовой.
Вновь чайки рвут, потрепанные бурей,
мне душу, голоса над головой.
Они-то знают – мой товарищ умер,
а для меня остался он живой.
Хандрить не будем, не познав победы,
хотя еще подспудно бродит пыл.
Я Богу благодарен за все беды,
за то, что мой товарищ рядом был.

* * *

Не принимая в звуках порчу
заученных пустейших фраз,
душа моя глядела зорче,
услышав их в который раз.
Я отступал пред темной силой,
но был в душе необорим,
как будто дух ширококрылый
парил над скопищем людским.
Он сострадал всему до боли
и потому казался нем.
Он был – и этого довольно,
что был свободен от проблем.
Нет, он не обликом растрогал,
но тем, что, став самим собой,
был недоступен всем тревогам
всей этой жизни показной.

Монах

Ты долго веровал в поэзию и в музыку,
ценил в характере мечту и необузданность,
пока в надежности людской ты не изверился,
до той поры ты не чуждался ревности.
Ты перестал трубить про сумасбродство,
увидев в знании большое превосходство,
и то, что тратилось душой опустошенною,
ты стал ценить, горя свечой зажженною.
В предчувствии житейской многоликости
ты жить ушел среди природной дикости,
не принимая ничего, не отвергая.
ты начал жить своим подобьем рая.
И так покончив с собственным безверьем,
ты приобрел свободу и бессмертье.
Но ни о чем я не скорблю с такою болью,
как то, что ты не взял меня с собою.

Странник

Он с Богом жил, строгал и плотничал,
с вагонов щебень разгружал,
с молитвой Божией привольничал,
и с ней ложился и вставал.
В горах, под пихтами и мальвами,
бродил, усталый, допоздна,
и обнимался с синим маревом,
и очень многое узнал.
И очень важное додумывал
уже потом, в ночной глуши,
и благодать касалась мудрая
всех тайников его души.
Бывалый егерь недоверчиво
качал седою головой,
когда над кельей каждым вечером
свет разливался голубой.
Снимая тайну с пережитого,
он углублялся в дебри книг
и был похож на небожителя,
который мудрость их постиг.
Потом, молитву долго пестовав,
вдруг разорвал привычный круг,
когда в ней благодать Небесная
смиранный окрылила дух.

* * *

Я прибавляю шаг,
слышу: торопят столетья,
чтобы узнала душа
святость Христова бессмертья.
Вдруг не успею я? –
сердце щемит затравленно:
многое сделано зря,
многое людям оставлено.
Добрых стезя непроста,
добрым всегда тяжелее
жизнью платить, чтобы стал
кто-то на каплю добрее.
Рад бы ни грамма не знать
дел, что под небом вершатся.
Только нельзя отступить,
если решил не сдаваться.

* * *

Стриж крылом прочертил
бирюзовую гладь.
Я остался один
здесь, в горах, умирать.
Белым криком метнулся
над лесом рассвет,
то ли жил я под солнцем,
то ли, может быть, нет.
Приютила меня
дебрей синяя зыбь,
где жалел всех как мог,
где старался любить.
Где в окне запотевшем
молился мечте,
где стремился к Тебе,
долгожданный Христе.
Там, на ранней заре,
по траве луговой,
где дымилась роса,
я пошел за Тобой.
Лишь остался на ней
скоро гаснущий след,
там, где дух мой проник
в Твой немеркнущий свет.

Исцеление любовью

Архимандриту Кириллу (Павлову)

С улыбкой доброю, не гордою
слова ты сеял прямо в душу.
Врачуя ими раны совести,
ты твердо знал, что я не струшу.
Ты поднимал меня в атаку
в окопах духа для сражения
и прикрывал от злобы вражеской,
уча о мужестве терпения.
Осколки искушений жалили
и в клочья рвали плоть сердечную,
ты вызволял меня из плена
и на себе тащил в жизнь вечную.
Где залегали мины подлости,
ты вел путями безопасными,
и врачевал порыв отчаянья
словами кроткими и ясными.
И сам, усталый и израненный,
ты нам шептал с великой скорбью,
в своем изгнании оставленный,
об исцелении любовью.
Ты неизменен в нашей памяти,
мудрец Христов с душою ангельской.
Ведя людей к христоподобию,
для всех стал истиной евангельской.

* * *

Монаху Симеону Афонскому

Отец водил мой паровозы,
а я был мал и бос.
Домой бежал, глотая слезы,
чтоб не наехал паровоз.
Лицо отца в окне кабины,
а он был старший машинист,
рука в мазуте и машины
мальчишеский задорный свист.
Раскрыв глаза, я тихо ахал,
когда, достав из сундучка,
он клал в ладонь мне хлеб и сахар
и говорил: «От зайчика!»
По шпалам я, неторопливо,
пошел, когда попрос.
Не смог догнать меня ревнивый,
гудком кричавший паровоз.
Под синий семафор вокзала
железных рельсов колея
жизнь в крепкий узел завязала,
горами душу замая.
Пусть времени тугие волны
дух к вечности продолжат торопить.
Средь тихих гор, где небеса просторны,
Угомнясь от странствий, буду жить.
Стихи мои, став стихотворной книжкой
душевного нелегкого ярма,
дарю друзьям с прощальной улыбкой:
«Вот, это вам – лекарство для ума!»

Эпилог

Память о Боге не умирает...

* * *

Бог просит смирения,
И это – молчание.
А все остальное –
Просто мечтание.
А все остальное –
Как образ расхожий:
Был мир – будто не был,
А сделался – Божий.
Был мир – будто не был,
Как миг непогоды.
И вот, словно чудо –
Он полон свободы.
И вот, словно чудо –
В ней дух безмятежен.
И с Богом, как в детстве,
Союз неизбежен.

* * *

Пусть немало давалось,
Пусть немало прощалось.
Пусть немало любилось
И опять начиналось.
Жизнь торопится помнить
И торопится верить.
От заката к восходу,
Чтоб все это измерить.
Чтоб на утренней зорьке
Вспыхнуть чувством сердечным.
Стать безмолвием светлым
И остаться им вечно.
Всем дарю свое сердце.
Всем дарю эту сушу.
Всем дарю свою песню.
Только Богу – всю душу...

СОДЕРЖАНИЕ

* * *

Ты идешь по дороге,
Овеваемый ветром,
Омываемый солнцем,
Весь наполненный светом.
Это славно – быть в Боге,
Всей вселенной быть центром.
От скорбей быть заслоном,
Но без мыслей об этом.
И дышать небосклоном,
Безконечным, бездонным.
И в любви оставаться
Благодатным, спасенным.

* * *

Память о Боге не умирает,
И душу влюбленную
Вновь воскрешает
Дыханием вечности,
Касанием нежности,
Ощущением юности
И Божественной мудрости...

Введение 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие к первой части 5
Молитвы с Симеоном Новым Богословом 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предисловие ко второй части..... 49
Молитвы любви
Молитвы покаяния 52
Молитвы скорби 62
Молитвы разделенности..... 74
Молитвы странствий..... 84
Молитвы Любви 97
Славословия 131
Разные молитвы.....141

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Предисловие к третьей части 175
Молитвы юности..... 179

ЭПИЛОГ. Память о Боге не умирает 236

ИЕРОМОНАХ СИМОН (БЕЗКРОВНЫЙ)

ДУША БЕЗМОЛВИЯ
Из выстраданного и пережитого

*Духовно-просветительское
издание*

КОРМЧИЙ

ПРАВОСЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

KORMCHIIY.SU
INFO@KORMCHIIY.SU
+7 495 151-10-51

Синтагма

ПРАВОСЛАВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

SINTAGMA.SU

Печ. л. 7,5. Формат 84x108/32.

Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions